18+

АЛЕКСАНДР К. БАРБАРОССА

ЭФФЕКТ ПРЕЛОМЛЕНИЯ, ИЛИ ПАРИЖСКАЯ ИСТОРИЯ

Александр К. Барбаросса

Эффект преломления, или парижская история

«Издательские решения»

Барбаросса А.

Эффект преломления, или парижская история / А. Барбаросса — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839797-4

Новый проект приводит директора рекламного агентства Андрея в Париж. Его друг-юрист Ален закрывает дело о наследстве своего старого клиента. Остается прояснить вопрос с парижской квартирой, куда хозяйка так и не вернулась после своего бегства перед немецкой оккупацией. Довоенная история получает продолжение. Герою суждено сделать открытие, но он пока не знает об этом. Прошлое и будущее связаны невидимыми нитями, и увидеть их непросто. В призме времени эффект преломления искажает суть еще сильнее Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-839797-4

© Барбаросса А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 10
Глава 3 12
Глава 4 18
Глава 5 20
Глава 6 23
Глава 7 27
Глава 8 32
Глава 9 34
Глава 10 39
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Эффект преломления, или парижская история

Александр К. Барбаросса

Посвящается моим дорогим родителям
и всегда любимым дедушке и бабушке.
С любовью, Ваш сын и внук,
Александр К. Барбаросса.

© Александр К. Барбаросса, 2017

ISBN 978-5-4483-9797-4
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Сидя на террасе одноименного ресторана с видом на Казанский собор, Андрей поймал себя на мысли, что для весны в Санкт-Петербурге такой теплый вечер очень нетипичен. По крайней мере, за множество визитов в этот город ему удалось поймать такую погоду в мае всего один раз. Внизу разомлевшие от тепла петербуржцы и туристы шумным потоком перемещались по Невскому и Казанской улице. Некоторые прохожие, скорее всего приезжие, заглядывали сквозь решетку в Воронихинский сквер. Теплый ветерок пробегал по колоннаде Казанского собора, поднимался на крыши и, завиваясь вокруг шпиля Адмиралтейства и креста Исаакиевского собора, снова возвращался вниз.

– Эх, так и не сумел добраться до Новой Голландии, – с сожалением подумал Андрей. Можно было бы, в принципе, и сейчас прогуляться, но сказывалась дневная усталость. Ноги гудели, несмотря на проведенный в кресле ресторана час с лишним. «Террасу» Андрей любил за отличную кухню, местоположение и роскошный вид. Он приехал на такси в центр вечером, попросил водителя подъехать как можно ближе к Михайловскому замку, который восстановил после реставрации свою былую импозантность, обзаведясь к тому же высокой оградой, как и подобает монаршей резиденции. Стоя спиной к замку, Андрей полюбовался видом на Летний сад и Михайловский парк, зазывающие своей густой листвой, которая, подобно пене прибоя, переливалась через ажурные решетки. Неспешно прогулявшись мимо Спаса-на-Крови, он прошел по каналу Грибоедова к Казанскому собору, планируя поужинать и дойти до Новой Голландии – острова, разрекламированного путеводителями в качестве образца промышленной архитектуры XVIII-го века. Однажды, давным-давно, он там уже был. Совершенно случайно Андрей и Наташа, теперь уже бывшая жена, гуляли по Санкт-Петербургу и забрели в этот район. Ему и тогда понравились эти красивые старые здания, но было холодно, и они быстро ушли с канала. Попадались какие-то публикации, что Новая Голландия реставрируется, потом были сообщения о завершении процесса и, наконец, стали появляться заметки в путеводителях о триумфальном возвращении одного из интереснейших мест города в строй туристических *must see*. Андрей порадовался, что сейчас он быстро поужинает и прогуляется до острова. Каждый раз, приезжая в Петербург, он ловил себя на мысли, что ему страшно нравится этот город, нравится гулять по улицам имперской столицы. Парад дворцов Миллионной улицы его завораживал, а оказываясь на пересечении Невского и Фонтанки, он всегда искал взглядом великолепный дворец Белосельских-Белозерских. По возвращении в Москву Андрей машинально находил архитектурные элементы, которые явно были заимствованы у зданий северной столицы. Один знакомый архитектор даже утверждал, что сталинская архитектура Москвы есть не что иное, как попытка повторить имперский стиль Петербурга в современном и более масштабном варианте: – Посмотри на проспект Мира, на Кутузовский или Ленинский! Сплошные колонны, арки, гранит… И при кажущемся различии зданий в них присутствует одно общее дизайн-решение, также как в улицах Петербурга.

Добравшись до ресторана, Андрей присел за свой столик, который удалось зарезервировать утром. Улыбчивая официантка приняла заказ, а он отправился сполоснуть руки. Андрей взглянул на свое отражение в зеркале – высокий брюнет в хорошем пиджаке и джинсах, выглядит моложе своих сорока, седеть пока не начинал, немного усталое лицо. Удивляться нечему – на ногах весь день. Но, как говорится, волка ноги кормят. Не будь этого проекта, он не стоял бы сейчас перед зеркалом ресторана в центре Петербурга.

Естественно, как и любой другой проект, это мероприятие клиент подтвердил внезапно. Причем, судя по всему, и для себя тоже. Администрация одного очень известного завода в Петербурге решила провести для своих сотрудников праздничное мероприятие по случаю

юбилейной даты. Был объявлен тендер, в котором приняло участие и агентство Андрея. Изначально он не хотел связываться с этим проектом, но, поразмыслив, решил попробовать. Совершенно неожиданно после оглашения результатов выяснилось, что ценовой тендер выиграло именно его агентство. Переговоры шли вяло в течение нескольких месяцев – сначала дополнительный брифинг, потом утверждение общей креативной концепции, затем составление сметы и ее утверждение. Собственно говоря, на данном этапе все и застопорилось. Ничего удивительного в этом для Андрея Разумовского не было. Обычное дело. За годы работы в рекламном бизнесе он к такому давно привык. Коллеги из медийных агентств время от времени жаловались на клиента, который по сто раз менял медиа-план, пытаясь сэкономить на поверхностях и не потерять в эффективности. Андрей в таких случаях только делал вид, что внимательно слушает собеседников. Ему, как никому другому, было известно, как может «выступать» клиент. Уже пятнадцать лет он занимался организацией корпоративных мероприятий. Коллеги, замечая его снисходительную улыбку в ответ на их жалобы, понимающе кивали и говорили: «Ну, тебе-то объяснять это не нужно: кто работает в ивентах – тот в цирке не смеется!» Что правда – то правда. Мероприятия или событийный маркетинг – сложнейшее направление в рекламном бизнесе. Организация мероприятия требует от менеджера множества знаний и всевозможных навыков, но на вес золота здесь ценится умение решать проблемы. Когда в проекте задействованы люди, а в ивентах их масса, то «fuck-up» может появиться где угодно и в любой момент. Клиент часто отдает проект целиком – нужно не только арендовать площадку и пригласить артистов или моделей, но и разработать полностью всю концепцию мероприятия – от сценария и дизайна пригласительных до аренды электронного экрана поблизости для демонстрации анимированного ролика, который тоже делает ивент-агентство со всеми вытекающими – сценарий, стори-борд и так далее. Другими словами, мероприятие может включать в себя несколько отдельных проектов, часто масштабных и трудоемких самих по себе. Чтобы свести все это в одной точке в час «Х» нужен человек, умеющий общаться со всеми задействованными силами сразу и на их языке. Поэтому, коммуникативный навык и наличие здравого смысла для организатора мероприятий – это уже половина успеха. Ну, конечно, никто не отменял тайм-менеджмент и умение расставлять приоритеты, но первые два идут в ранге явных козырей.

Когда до запланированной даты оставалось совсем ничего, и уже возникло подозрение, что проект отложен или отдан другому агентству, клиент «созрел». Причем, «заводские» назвали довольно близкую дату, и тут, чтобы не потерять лицо, уже нужно было двигаться в ускоренном темпе. Все бы ничего, только фактически за три дня до старта один из готовивших мероприятие ивент-менеджеров попал в больницу со сломанной ногой, а второй был пойман на воровстве и скоропостижно уволен. Агентство у Андрея небольшое, так что заменить ивентников оказалось некем, да и новых так сразу не найдешь. Оставался единственный вариант – заняться проектом самому. Разумовский сделал в одиночку много мероприятий, так что ему не составило труда заполнить собой возникшую кадровую брешь. Все детали были уже утверждены и осмечены: торжественное заседание по случаю юбилея, концерт с участием Татьяны Булановой (любимой певицы директора) и, конечно, кейтеринг. Все, естественно, будет происходить в родном ДК завода. И вот, когда Разумовский уже сидел на чемоданах, «заводские» вдруг выступили с инициативой, решив разнообразить праздничный досуг трудящихся завода-юбиляра. Для заполнения паузы между основными частями мероприятия они попросили организовать им автомат, штампующий памятные жестяные медали. Такие часто ставят в музеях – бросил монету, нажал на рычаг и получил оттиск с логотипом заведения. Просьба немного осложнила легкое протекание вечера перед отъездом, но пара звонков коллегам принесла результат, и владелец такой штамп-машины уже готовился к выезду в ДК. За два дня подготовки на месте Андрею удалось решить все сценарные нюансы с декораторами, световиком и звукорежиссёром. Ведущий – молодой и довольно известный актер театра им. Лен-

совета – оказался опытным и понимающим профессионалом. В ходе репетиций он на ходу немного скорректировал сценарий в части работы с залом, и Андрей перестал беспокоиться, что люди заскучают. Он провел короткий тренинг с девушками-хостесс, рассортировал подарочные наборы для гостей, финально согласовал меню со службой выездного кейтерингового обслуживания. Репетиции с артистами – танцорами, вокалистами и даже акробатами, призванными в художественной форме проиллюстрировать историю завода с момента основания еще в царской России и до сегодняшнего дня, принесли свои плоды. Празднование юбилея прошло отлично за исключением казуса со штамп-автоматом. Его владелец Игорь приехал в ДК в оговоренное время и установил свой аттракцион в фойе. Андрей лично убедился, что машина заправлена жетонами и работает исправно. Коллеги не подвели и порекомендовали действительно надёжного подрядчика – на оттиске красовалась эмблема завода с юбилейными датами. Игорь поинтересовался, может ли он отойти в зал и посмотреть выступление Татьяны Булановой:

– Я послушаю пару песен и тут же вернусь. Можно? Очень она мне нравится…

Андрей не видел в этом проблемы – пусть человек послушает любимую певицу. Игорь отправился в зал, а Разумовский пошел в рубку звукорежиссёра. Где-то через полчаса, он вышел в фойе, чтобы встретить прибывший торт на сорок килограммов с шоколадным паровозом на вершине и увидел бегущего к нему Игоря. Лицо последнего выражало крайнее отчаяние. Андрей направился в его сторону:

– Что случилось?

Игорь, остановившись, виновато развел в сторону руки.

– Андрей, такое дело…

– Ну, говорите, не тяните!

– Жетонов нет!

– Как это нет? Я же сам проверял недавно при Вас.

Игорь согласно кивнул.

– Да, да. Только их нет. Автомат вскрыли.

Ситуацию прояснила техничка. Оказалось, что пока Игорь наслаждался пением Татьяны Булановой, из зала вышли на перекур несколько рабочих. Заметив автомат, они отвинтили крышку запирающего механизма и принялись штамповать жетоны. Вероятно, вернувшись обратно, рабочие рассказали про это своим товарищам, и идея понравилась многим, так как за полчаса испарились все пятьсот приготовленных жетонов. А запасных у Игоря больше не было. Положение спас главный инженер завода, который курировал мероприятие со стороны клиента. Вызванный Андреем, он, выслушав историю, нахмурился и констатировал:

– Вот, бл…, черти!

Андрей держал в руках сделанный им тестовый оттиск, показывая, что все было приготовлено. Инженер задумчиво посмотрел на жетон и попросил:

– Ну-ка, дай мне его.

Положив на ладонь металлический кружок, он внимательно рассмотрел изделие и достал мобильный телефон. Набрав номер, инженер произнес:

– Петрович, привет! У тебя в цеху недавно брак был, помнишь? Да, медные болванки! Да, которые надо было пятьдесят пять миллиметров делать, а вы пятьдесят три сделали… Где они? Не успели в литейку отдать? Короче, Петрович, бери тысячу штук и пулей ко мне в ДК! Прямо сейчас! Чтобы через пятнадцать минут здесь был! Тебя ребята встретят, отдашь им! Давай!

Спрятав мобильник в нагрудный карман пиджака, он обратился к Андрею и Игорю:

– Сейчас Петрович притаранит вам заготовки. Должны подойти.

И, ухмыльнувшись, снова помянул рабочих завода:

– Вот черти, твою мать!

Болванки, принесённые Петровичем, действительно подошли, и юбиляры получили свои памятные жетоны. После выноса торта с паровозом мероприятие из официального окончательно перешло в неформальное. За пультом появился ди-джей, начались танцы. Андрей обратил внимание на идущего к выходу директора завода. Рядом возник главный инженер, уже явно навеселе:

– Андрей, все сделано прекрасно! Спасибо огромное! Будет у нас корпоратив новогодний… Ты не против, если мы сразу к тебе обратимся? Не люблю я эти тендеры…

Андрей, естественно, не возражал. Около восьми вечера, когда весь «генералитет» завода уехал, он рассчитался с артистами, ведущим, моделями и кейтерингом. После того, как последний гость покинул ДК, Андрей, выкурив сигарету у входа, вызвал такси и отправился в ресторан.

Глава 2

До посадки на пароход оставался час. В этот жаркий июньский полдень кого только не было в разношёрстной толпе на пристани! Небольшие кучки людей из отъезжающих и провожающих, весело галдящих и гогочущих, легко смотрящих на предстоящее путешествие и то, что будет с ними, когда они сойдут на берег на другой стороне Атлантики. Вообще, понять настроение человека легко, если внимательно посмотреть, как он курит. Так вот, в этих кучках все курили спокойно и, если позволите, весело. Так же весело, как гоготали. Были и другие персонажи, внешне спокойные и улыбчивые, но в улыбках будущих пассажиров и тех, кто скоро останется на суше, сквозило жуткое напряжение. Опять же, если поразмыслить, по сути это был просто страх, страх перед неизвестным – что там их ждёт, доплывут ли, как устроятся, будет ли работа здесь… Курили они нервно и часто, успокаивая друг друга, так же нервно и часто похлопывая собеседников по плечам, словно пытаясь отвлечься от своих страхов и скорее заняться опасениями друзей и родственников:

– Не волнуйся, здесь все образуется, хотя нам и приходится уезжать!

– Я не переживаю за нас, мы справимся. А вот как сложится у вас там?

При этом все постоянно озирались, опасаясь портовых воров и карманников, которых тут крутилось предостаточно. Толпу можно было разделить и по сословным признакам. Люди состоятельные выделялись добротными костюмами и огромными дорогими чемоданами. Они с опаской поглядывали вокруг на всех, кто к ним приближался, явно мечтая, чтобы оставшийся час поскорее прошел, а вместе с ним и эта давка на причале. Бедняки держали в руках маленькие потертые саквояжи с самым необходимым, не решаясь поставить их на землю. Среди всех этих людей сновали жандармы, внимательно вглядываясь в толпу и высматривая нарушения правопорядка. Несмотря на разноликость народа, собравшегося на берегу перед огромным океанским лайнером, несмотря на веселые взрывы смеха, раздававшиеся повсюду, гул толпы оставался тревожным. И, как знать, может быть не так уж и легко смотрели в будущее те смеющиеся люди, пряча за показным смехом свой страх перед неизвестным будущим?

Стройная темноволосая девушка в элегантном платье цвета молочного шоколада в крупных белых горошинах также старалась не выпускать из рук саквояж, время от времени поглядывая вокруг. Она не отводила глаз от палуб лайнера, отрешенно рассматривая корабль, который через два часа увезёт ее из этого кошмара. Устав от постоянного ожидания, она сделала несколько шагов и огляделась. Ее внимание привлек упитанный господин, который постоянно потея то ли от жары, то ли от нервного ожидания, без конца поправлял пенсне и тревожно оглядывался вокруг. Одной рукой он опирался на трость, а левую, с платком, положил на штабель из чемоданов. Рядом с ним суетилась жена, которая беспрестанно одергивала двух мальчиков, не упускавших случая развлечься в толпе. Девушка повернулась в другую сторону. Вокруг гудел человеческий улей, и этот шум уже начинал сводить ее с ума. Может, дойти до бистро и выпить чашечку кофе? Это недолго, и она отдохнет от шума на причале. Было странно видеть красивую двадцатилетнюю девушку среди этого гомона в одиночестве, без сопровождающих или провожающих, но Мари действительно была там одна. Она уже направилась к бистро, но в этот момент мимо нее пробежал мальчишка-цыган, за которым несся тучный жандарм. Окружающие равнодушно наблюдали за погоней, и никто даже не пошевелился, чтобы ему помочь и поймать воришку. Лавируя между людьми, беглец сделал полукруг и снова оказался перед Мари. Он несся прямо на нее и, состроив умоляющую гримасу, протянул ей смятую банкноту, а потом стремительно рванул в сторону. Машинально Мари взяла деньги и зажала их в ладони. Толстяк-жандарм непостижимым образом все-таки догнал цыгана и начал его трясти,

но денег не нашел. Тут появилась мать-цыганка и сразу стала громко причитать. Моментально рядом с жандармом возник целый табор других цыганок. Трезво оценив свои шансы на победу, он отпустил ребенка, зло сплюнул и, тяжело дыша, отправился снова наблюдать за порядком. Покричав еще минуты две, женщины в разноцветных платках и юбках двинулись а выходу. Мальчишка указал матери на Мари, шепнул ей что-то и исчез. Цыганка, улыбаясь, подошла к девушке. Вытянув вперед полную руку, увешанную браслетами, она произнесла:

– Бриллиантовая моя, дай руку свою, погадаю, всю правду скажу, ничего не утаю, а ты мне денежку дашь на пропитание детей моих!

Мари сообразила, что это единственный способ быстро отдать им украденные деньги и избавиться от неожиданной проблемы. Она протянула цыганке руку. Гадалка взяла ладонь Мари, взглянула на нее и с изумлением, без улыбки посмотрела ей в глаза. Потом озабоченно поджала губы в раздумье, не выпуская руки девушки из своей. Мари молча ждала предсказания. Наконец, гадалка тихо произнесла:

– Ой, бриллиантовая моя! Ой, золотая моя, какой страшный секрет тревожит твою душу! Вижу, тяжелая тайна у тебя!

Она замолчала на секунду, вглядываясь в линии, и продолжила:

– Ты не волнуйся, драгоценная! Тебе никогда не встретить того, кто узнает твой секрет. Будущее и прошлое пересекаются постоянно, но люди замечают это очень редко. Тот, кто войдет в твое прошлое, сначала должен умыться водой из фонтана Соколлу-паши на Калемегдане в день, когда османы сожгли мощи святого Саввы на Врачаре… А это будет не скоро!

Обнажив белозубую улыбку, цыганка отпустила ладонь Мари, и девушка протянула ей смятую купюру, отданную мальчишкой. Гадалка, все также улыбаясь, забормотала:

– Ой, бриллиантовая моя, благодарю! Счастливой дороги тебе! И помни, ты его никогда не встретишь…

Мари обратила внимание, что, несмотря на улыбку, взгляд цыганки оставался серьезным и озабоченным. Затем женщина отвернулась и растворилась в толчее причала, а Мари, снова вернувшись к своим мыслям, направилась в сторону бистро. Смутное ощущение, что слова цыганки она уже когда-то слышала, возникло и пропало под напором тревожных раздумий о предстоящем плавании.

Глава 3

Расплатившись за ужин, Андрей спустился на лифте и вышел навстречу теплому вечеру, который уже вовсю прогуливался под ручку с белой петербуржской ночью. Усталость давала себя знать, и от прогулки к Новой Голландии Андрей все-таки отказался. Обогнув Казанский сквер, он перешел через канал Грибоедова и двинулся по набережной вправо от Невского. Здесь располагалась кондитерская «Буше», а отказать себе в нескольких пирожных «баваруа» Андрей был не в состоянии. Надо сказать, что ассортимент кондитерских Санкт-Петербурга достоин отдельного разговора. В Москве вас угостят муссами, чизкейками, тирамису, эклерами, слойками и прочими кондитерскими изысками, но парфе и баваруа там не найти. Объяснить это трудно или даже невозможно. Можно предположить, что кондитеры культурной столицы дают торжественную клятву никогда не готовить такие пирожные нигде, кроме Петербурга. Вы будете пробовать и восторгаться сладостями по всему миру, но пирожные из невских кондитерских все равно неспешно, с достоинством встанут на свое заслуженное чемпионское место. Соответственно, пройти мимо кондитерской «Буше» Андрей не мог никак. Затем, уже с небольшой перевязанной лентой коробкой пирожных, он вернулся на Невский и пошел в сторону Александринского театра, откуда было рукой подать до отеля. Остановился Разумовский в бутик-отеле «Росси», который находился в старинном доме номер 55 по набережной Фонтанки. Пару лет назад университетский одногруппник Коля Синицин всячески рекламировал свое пребывание здесь. Андрей прислушался к рекомендациям и с тех пор останавливался только в этом отеле. Ему очень импонировали атмосфера заведения и дружелюбный персонал. Местоположение с точки зрения шаговой доступности Эрмитажа, Русского музея или Исаакиевского собора было идеальным. При этом под окнами не гудела магистраль, чего нельзя сказать, например, о гостиницах на Тверской в Москве. Отель мог похвастаться также лучшим в городе рестораном паназиатской кухни «Фиолет», из окон которого открывается вид на набережную и площадь Ломоносова. Здание и площадь всегда входили в архитектурный ансамбль дореволюционной Театральной улицы, сегодня носящей имя Зодчего Росси. Андрею очень нравилось возвращаться пешком – путь от театра к отелю занимал всего пару минут. Только что ты шел по переполненному людьми Невскому проспекту, но стоило пройти Екатерининским сквером к театру, и ты уже на тихой и невероятно торжественной, благодаря своим классическим пропорциям и подсветке, улице Росси. Иногда вечером Разумовский вставал под арку, объединяющую отель и соседнее здание на полуциркуле площади Ломоносова, и любовался широкой прямой, зажатой между высокими, одинаковыми по форме и окрасу строениями, над которыми высилась вдалеке громада Александринского театра. Гениальному Росси удалось создать невероятно удачный пример завершенности архитектурного ансамбля – комплекс зданий в сочетании с подсветкой всегда производил очень сильное впечатление на зрителя.

Так, с сигаретой в одной руке и коробкой пирожных в другой, Андрей спокойно добрался до отеля. У дверей припарковались несколько такси, а рядом с уличной пепельницей стоял сосед по этажу. Поскольку в номерах отеля курение запрещено, то все курильщики выходят на улицу и неизбежно знакомятся друг с другом или, по крайней мере, вежливо приветствуют при встрече. Сосед поздоровался и, бросив окурок в пепельницу, ушел, а Разумовский остался еще подышать. Таксисты разъехались, и только редкие прохожие неторопливо перемещались мимо. Неожиданно с набережной к театру прошла большая группа китайских туристов во главе с активно жестикулирующим экскурсоводом. Вероятно, это ставшие популярными ночные экскурсии. Андрей постоял еще пару минут и прошел в лобби отеля. На стене слева висел портрет Льва Толстого, недурно написанный по знаменитой фотографии. В отеле «Росси» можно купить понравившуюся картину, для чего к раме прикреплён ценник. Андрей, по привычке

взглянув на графа, кивнул портье и остановился перед лифтовой шахтой. В лобби вошла пожилая семейная пара из Германии. Немцы встали рядом, дожидаясь лифта. В кабине Разумовский воткнулся глазами в прикрепленный к стене монитор, лениво разглядывая рекламный ролик отеля. Пара из Германии вышла на третьем этаже, лифт поехал выше, привычно покачиваясь на тросах между четвертым и пятым этажами, и остановился на шестом. Андрей прошел, миновав лестницу, до конца длиннющего коридора бывшего доходного дома и открыл электронным ключом дверь номера. Прихожая и комната, оформленные в контрастном лофт-стиле, ему тоже нравились. Темная, покрытая лаком кирпичная кладка входной группы заканчивалась на пороге выкрашенной в белый цвет жилой зоны. На одном из кирпичей даже стояло клеймо изготовителя, точнее его фамилия – «Кононовъ». Сняв пиджак и умывшись, Андрей включил чайник и присел в кресло, дожидаясь, пока закипит вода. В голове еще мелькали воспоминания о мероприятия. Слава богу, все прошло хорошо, день закончился. В пиджаке зазвонил мобильный. Взяв в руку смартфон, Андрей ответил:

– Алло!

– Андрюха, привет!

Это был институтский одногруппник Денис Кузнецов, давно перебравшийся из Москвы в Петербург. Андрей позвонил ему перед своим приездом, надеясь увидеть однокашника, но репетиции и прочая суета помешали планам. Денис хотел встретиться завтра, а Андрей уезжал около одиннадцати на «Сапсане» в Москву. Они поболтали по телефону минут тридцать, начав перебирать остальных товарищей – кто и где сейчас, чем занимается, когда Денис вдруг сообщил:

– Слушай, я совсем забыл тебе сказать. Я неделю назад разговаривал с Аленом. Он передавал тебе большой привет.

– Да? Я перезвоню ему.

В университете Андрей и Денис довольно плотно общались с Аленом Вернье – французом, которого занесло в Москву по настоянию отца-социалиста. Примечателен факт, что Леопольд Вернье, будучи членом социалистической партии, являлся при этом очень состоятельным буржуа и возглавлял большое адвокатское бюро. Ален изучал в Москве русский язык, а после окончания юридического факультета в Сорбонне стал работать в конторе отца. Андрей все это время поддерживал связь с Аленом и даже гостил у него два года назад, сразу после развода. Да, действительно, звонки были, но в беготне Разумовский то не успевал ответить, то забывал перезвонить. Они еще немного поговорили с Денисом и закончили беседу, договорившись обязательно встретиться в следующий приезд – или Андрея в Петербург или Дениса в Москву.

Андрей бросил в чашку пакетик чая и, налив кипятка, открыл коробку с бавaруа. Пирожное было восхитительным, но, из-за позднего часа или от усталости он едва справился с ним. Хотелось спать и курить. Андрей проглотил оставшийся чай, обулся, взял а руки пиджак и вышел из номера на последний сегодня перекур. На улице стало прохладнее, немного стих городской шум. С сигаретой в руке Андрей долго смотрел на подсвеченные башенки Ломоносовского моста, потом вернулся в отель. Выйдя из лифта, он машинально нашел в кармане пиджака карточку-ключ и, поравнявшись с лестницей, остановился. Ему послышался звук женского плача или всхлипывания. Уткнувшись лицом в согнутую руку, к стене прислонилась девушка. На ступеньках стояла дамская сумка. Пышные и длинные вьющиеся золотистые волосы сверкающей гривой лежали на вздрагивающих плечах. Девушка показалась знакомой. Вероятно, он мог встречать ее на завтраках. Андрей сделал шаг в сторону лестницы и спросил:

– Извините, я услышал, как вы плачете. Могу ли я чем-то помочь?

Всхлипывания прекратились. Она повернулась к нему лицом. Да, точно, эта девушка была сегодня утром в ресторане. Андрею запомнились ее красивые волосы. Утром она была в футболке и джинсах, а сейчас на ней платье Missoni. Даже заплаканная она довольно при-

влекательна. Лет двадцать восемь, высокая, платье подчеркивает изящную фигуру. Капризный красивый рот, большие темные глаза удивленно смотрят на него. Она с издевкой переспросила:

– Интересно, и как же вы собираетесь мне помочь? Вернуть назад эту скотину? Или сами хотите приклеиться ко мне?

Немного опешив от неожиданной тирады, Андрей хмыкнул, не сразу подыскав слова для ответа:

– Я ничего такого ввиду не имел. Услышал, как вы плачете и поинтересовался, нужна ли помощь. Но, судя по вашим словам, это вряд ли понадобится. Извините.

Она смотрела на него, пока он это говорил, а потом вдруг как-то резко села на ступеньки и почти беззвучно зарыдала, закрыв лицо руками с вишневым лаком на ногтях. Андрей стоял с ключом в руке и смотрел на нее, на зная, как поступить. Потом тихо присел рядом. Она вдруг убрала руки от лица и произнесла:

– Ты не представляешь, как мне больно. Он бросил меня как собачонку, просто вышвырнул как мусор из своей жизни. За что? Разве можно так поступать?

Теперь настала очередь Андрея съязвить:

– Ну да, это ведь только тебя бросили, единственную. Больше никого никогда не бросали.

Она подняла на него глаза и заметила:

– Умеешь ты утешать девушек, ничего не скажешь.

Андрей пожал плечами. Потом ответил:

– Человек эгоистичен. Отчего люди считают, что они страдают больше других?

Сейчас он вспомнил и ее спутника. Примерно его возраста интересный высокий брюнет с ухоженной модной бородкой, одет в хороший костюм. Девушка тем временем снова закрыла ладонями лицо и почти прошептала скороговоркой:

– Понимаешь, я даже не просила, чтобы он развелся. Хотела только, чтобы мы иногда проводили время вместе, приехала сюда побыть с ним. И все. Никаких требований, только приходи иногда…

Она снова зарыдала. Андрей понял, что действовать нужно радикально, иначе эта дама и в пролет сигануть может. Коротко, перебив ее, спросил:

– Коньяка хочешь?

Девушка убрала с лица ладони и ответила:

– Хочу.

И сквозь слезы насмеялась:

– Хоть коньяк, хоть водку…

Андрей встал и за руку поднял со ступенек девушку:

– Пошли.

Она подхватила сумку и двинулась за ним. Андрей открыл номер и впустил незнакомку. Показав на дверь ванной комнаты, предложил:

– Если нужно…

Девушка кивнула и прошла внутрь, а Андрей достал коньяк и плеснул немного в два бокала. Он оставил включенным торшер, погасив остальные светильники. Получилось немного интимно, но он сделал это по привычке, так как не любил вечером яркий свет. Она вышла из ванной минут через пять, уже с накрашенными губами. В общем, сумела привести себя в порядок, что уже неплохо. Девушка встала на условной границе между прихожей и комнатой, держа в руке свою сумку. Возникла небольшая пауза, но Андрей быстро нарушил ее, сказав:

– Проходи, бросай куда-нибудь свою сумку и садись в кресло. Вот твой коньяк.

Она грустно улыбнулась и села в предложенное кресло, поставив сумку на пол рядом. Андрей пододвинул к ней бокал и произнес:

– Давай за эту странную ночную встречу.

Они чокнулись бокалами и сделали по глотку коньяка. Разумовский открыл коробку с пирожными:

– Вот, прошу, свежие баваруа!

Потом спохватился:

– Прости, не представился. Меня зовут Андрей.

Девушка, вернув на стол бокал, откусила пирожное, держа вторую ладонь под ним, чтобы не упали крошки или взбитые сливки. Проделала она это очень женственно и естественно.

– Кристина. Из Москвы. А ты?

– Тоже Москва. Я уже несколько дней здесь. Утром уезжаю.

Она снова глотнула коньяку и сказала:

– Отличный коньяк. Я тоже люблю «Мартель». Специально для таких случаев возишь с собой?

Андрей рассмеялся:

– Хотел клиенту подарить и забыл в номере. Пришлось покупать по дороге. Возвращаться не стал. Как видишь, не зря.

Коньяк, если судить по Кристине, делал свое дело. Было заметно, что она немного расслабилась. Ее бокал быстро опустел, и Андрей вопросительно взглянул на девушку. Кристина утвердительно кивнула – давай, подливай. Андрей сказал:

– Ты поосторожнее с коньяком, напиток серьезный.

Кристина грустно усмехнулась:

– Я знаю. Не волнуйся, на себе таскать меня не будешь!

Она заметила в полумраке ноутбук Андрея и спросила:

– У тебя есть там музыка какая-нибудь? Только негромко…

Разумовский поднялся и, открыв ноутбук, задумался, какая музыка подходит к такой необычной ночи. Ему показалось, что альбом Омары Портуондо будет кстати – неспешные, мелодичные и по-кубински страстные композиции.

Когда зазвучала музыка, он вернулся в кресло:

– Куба подойдет?

Кристина прислушалась и ответила:

– Какая чудесная музыка! Очень хорошо. Спасибо!

Потом немного смущенно спросила:

– Извини, не возражаешь, если я сниму туфли? Весь день на каблуках, ноги очень устали.

Андрей жестом показал, что не против и отпил коньяка. Кристина, сбросив обувь, с облегчением вытянула ноги и благодарно на него взглянула. Затем уже босиком отправилась в ванную, чтобы сполоснуть руки. Вернувшись, она занялась своим начатым баваруа. Андрей молча наблюдал за ее перемещениями и действиями. Наконец, спросил:

– Полегче? Коньяк помог?

Она оторвалась от пирожного:

– Ну, как сказать… Сейчас полегче, пока разговор с тобой отвлекает от дурных мыслей. Я очень признательна тебе за помощь. Ты прости, я скоро уйду, и так столько времени отняла у тебя.

Андрей отрицательно покачал головой. От коньяка он немного захмелел.

– Во-первых, я тебя никуда не гоню. Захочешь уйти – встанешь и уйдешь. Во-вторых, мне тоже одиноко здесь. Так что встреча с тобой для меня скорее подарок. Короче, взаимовыгодное сотрудничество. Мы разговариваем, пьем коньяк, все отлично.

Девушка согласно кивнула.

– С тобой легко. Ты вообще какой-то очень положительный – и в беде не бросишь, и коньяк у тебя есть…

Они засмеялись. Кристина вдруг спросила:

– Вот скажи… Вдруг со стороны виднее… Именно тебе, ведь мы практически не знакомы. Почему он меня бросил?

Разумовский развел руки в стороны:

– Крис, ну ты спросила! Честное слово, как в старом анекдоте! Откуда же я могу знать? Причины такого поступка могут быть какими угодно – от законченного подлеца до человека, который сознательно пошел на разрыв с тобой во имя твоего же спасения.

Она переспросила:

– Спасения? От кого, например?

Андрей сделал серьезное лицо:

– От межгалактических монстров, которые поставили ему условие – либо он порывает с тобой, либо они забирают тебя на Альфа-Центавра и делают там королевой-маткой. Как у пчёл.

Кристина внимательно слушала его и задумалась, осмысливая сказанное. Затем она расхохоталась, а за ней не выдержал и Андрей. Отсмеявшись, он уже по-настоящему серьезно сказал:

– Я не знаю, да и не хочу знать, что произошло между вами, но могу сказать с уверенностью одно – он ушел и точка. Даже если он вернется, а такое случается! – ты не возвращайся к нему. Это бессмысленно. Видела фильм «Кладбище домашних животных» по Стивену Кингу?

– Это, кажется, ужасы? Я сюжет знаю, но фильм не видела.

– Там есть один очень любопытный момент… Герой читает заклинание, и умершие жена и ребенок возвращаются. Только они какие-то не такие как раньше. Смерть навсегда изменила их. Так и с теми, кто бросил нас или предал. Они, кстати, почти всегда возвращаются, но всегда не такими как раньше…

Андрей замолчал и подлил в бокалы коньяк. Кристина молча смотрела на его манипуляции. Вернув ей бокал, он спросил:

– А ты, вообще, чем занимаешься?

– Я? По образованию историк, но много лет работаю журналистом.

– В каком издании?

– Я сотрудничаю со многими журналами – Вог, Максим и так далее.

– Надо же! Ведешь колонки?

– Можно и так сказать. У меня тематика – дорогие аксессуары, знаешь, часы всякие, побрякушки, Плюс советы по стилю, обзоры модных показов.

– Ясно. А что с историей?

– Историю не забываю. Периодически выступаю как исторический консультант. В прошлом году была одна интересная работа – для городского фестиваля создавали реплику вагона поезда «Москва-Владивосток» 1910-го года. Конечно, пришлось покорпеть над документами, но результат превзошел ожидания. Удалось повторить даже обивку вагона.

Потом Андрей рассказал о своём проекте, который привел его в Петербург. Случай на заводе с пропавшими жетонами развеселил Кристину. Казалось, будто это не она час назад сидела с зареванными глазами на лестнице. Алкоголь и компания иногда помогают. Коньяк, немного опьянив ее, одновременно приступил боль и успокоил. Андрей вдруг прервал свою мысль и произнес:

– Есть одна проблема…

Кристина подняла на него глаза:

– Какая?

– Сейчас мы напьемся коньяка и захотим курить. А для этого надо спускаться на улицу!

Она подошла к окну и открыла его:

– Можно курить в окно. Не приходило в голову?

– Здесь же пожарная сигнализация…

– Если курить в небольшую щелочку, то дым не пройдет в комнату.

– А это мысль!

– Подожди, выключу свет, чтобы тебя не было видно.

Кристина нажала на кнопку торшера, и комната погрузилась в сумерки белой ночи. Андрей закурил, стараясь выдыхать дым в узкое отверстие. Кристина осталась сидеть в своём кресле. Андрей докурил и, бросив сигарету в чернеющий внизу колодец двора, облокотился на подоконник и смотрел на крышу отеля и небо над ним. Сзади послышался голос Кристины:

– Я не хочу возвращаться в свой номер, где мне все напоминает о нем.

Андрей, не оборачиваясь, ответил:

– Ну и не возвращайся…

Неожиданно он почувствовал горячее прикосновение ее груди на своей спине. Это она сзади прижалась к нему.

Андрей молча обернулся и привлек девушку к себе. Поцелуй, обнажив обоюдное влечение, бросил их на кровать, в объятья друг друга. Он старался исчерпать до дна овладевшее им желание. Она, как котенка, топила в его ласках свою ставшую ненужной любовь.

Глава 4

Оказавшись в каюте, Мари бессильно присела на кушетку и посмотрела в иллюминатор, в котором было видно море и небольшие рыбацкие суденышки у многочисленных пирсов. Солнце перекатывалось тысячами бликов по лазурным волнам, не обращая никакого внимания ни на город, чашей раскинувшийся на берегу, ни на огромный пароход с его матросами и капитаном, ни на людскую толпу, убегающую от приближающейся катастрофы. И беда пришла! Неожиданно по толпе разнеслась страшная новость – немцы вошли в Париж! Люди на причале притихли. Они ошарашенно переглядывались, но у всех в глазах были только отчаяние и страх. Война проиграна!

А потом началась посадка, превратившаяся в давку. Все очень торопились попасть на корабль, опасаясь, что их место займет кто-то еще. Каким-то непостижимым образом, благодаря наличию только небольшого саквояжа, Мари удалось пробиться к трапу и подняться на лайнер. Девушка продолжала сидеть и смотреть в иллюминатор еще долго после того, как корабль наконец покинул порт и вышел в открытое море. Не двигаясь, сложив на коленях руки, она думала о том, что происходящее с ней только сон, что не могло такого случиться в ее жизни. События последних месяцев, пробегая перед мысленным взором, казались взятыми со страниц драматического произведения. Ей не хотелось покидать каюту, где она была одна, наедине со своими мыслями. Просидев в одной позе несколько часов, Мари вдруг поняла, что сильно проголодалась. Когда она ела последний раз? Сегодня утром? Днем в бистро была только чашка кофе. Надо бы все-таки подняться на палубу, а то начинает болеть голова от духоты. Тело затекло после долгого сидения, но в конце концов девушка заставила себя подняться и вышла на воздух. Уже начинало темнеть – рано, как всегда на юге. Вокруг никого – наверное, сейчас время ужина. Мари подошла к борту и взялась за поручень. Ветер трепал ее волосы, как будто играл с ними. Он то порывисто подбрасывал их, то стремительно пробегал по палубам и, неожиданно закручиваясь между труб парохода, снова возвращался к девушке. Около получаса Мари стояла у борта, молча глядя вдаль и не обращая внимания на сгустившиеся сумерки и пришедшую вместе с ними прохладу, которую можно встретить в жаркий день только в открытом море или в горах. Неожиданно девушка почувствовала, как по ее щекам градом катятся слезы. Она не вздрагивала от рыданий и не всхлипывала. Ее беззвучный плач видели только пустая палуба, море и ветер, резвящийся вокруг. Вместе с этими слезами наконец-то пришло долгожданное облегчение. Осознание того, что жуткий кошмар последних недель закончился, ведь она все-таки попала на корабль, ускользнув из Парижа перед тем, как боши триумфально вошли в столицу. Снова нахлынули воспоминания…

Почему-то вспомнился дядя Жюль. Старый солдат, ветеран Первой мировой, звал немцев не иначе как бошами. Это по его примеру Мари тоже стала их так называть. Дядя Жюль, родной брат ее отца, содержал ферму в Эльзасе. Почти год назад она гостила у него в Флаксландене – небольшом местечке под Мюлузом. Она приехала на ферму в конце августа. Дядюшка обожал Мари и был страшно рад видеть у себя племянницу. Им редко доводилось встречаться, так как он практически никогда не покидал ферму, а «принцесса», как он ее называл, все время находилась в Париже. Но тем августом в жизни Мари наступил трудный период, и она решила сбежать к ближайшему родственнику. После тесного Парижа ферма и вся округа казались другой планетой – просторной, наполненной полями, виноградниками, овцами, кипарисами и бог знает чем еще, чего с помине не было в Париже. При этом она и помыслить не могла о том, чтобы не возвращаться в столицу, без которой жить было просто невозможно. Дядя, пряча довольную улыбку в густых седых кавалерийских усищах, угощал ее вином и сыром, а по вече-

рам они сидели во дворе и болтали, вспоминая родителей Мари. Жюль рассказывал смешные истории про Бернара – ее отца и своего младшего брата. И, конечно, после этих веселых рассказов они вдвоем грустили. Родители Мари погибли в автокатастрофе десять лет назад. Девочку взяла к себе на воспитание родная сестра ее матери – маркиза Жанна де Грасси. Она прекрасно ладила с Жюлем и всегда была ему рада, но в последние годы ферма занимала все его время, так что в Париже он появлялся крайне редко, а Жанна не хотела отпускать надолго племянницу из-под своей опеки.

Первого сентября в их безмятежный мир пришло беспокойство – немецкие войска вошли в Польшу. Мари хорошо помнила это смутное ожидание большой беды, которая вроде бы и не совсем близко, но в любой момент может оказаться рядом. А еще через день, вечером, дядя Жюль взял в руки газету и, едва бросив на нее взгляд, взялся за голову обеими руками и закрыл глаза. Мари встревоженно спросила:

– Что случилось, дядя Жюль?

Дядя открыл глаза и печально посмотрел на нее. Он выглядел невероятно расстроенным и озадаченным. Мари повторила:

– Что случилось?

Жюль молча повернул к ней газету. Крупный заголовок как будто стрелял в читателя каждым словом: ФРАНЦИЯ И ВЕЛИКОБРИТАНИЯ ОБЪЯВЛЯЮТ ВОЙНУ ГЕРМАНИИ! Дядя вздохнул и тихо произнес:

– Война, девочка моя, снова война…

В свои девятнадцать Мари не особенно сознавала весь смысл ужасного заголовка. Еще меньше она понимала то, что имел в виду дядя, просидевший в окопах Европы несколько лет. Так 3 сентября 1939 года началась для Мари эта Странная война, как с легкой руки Ролана Доржелеса стали называть военные действия между немецкими и франко-британскими войсками. Жюль немедленно отослал ее в Париж, ведь до боев, начавшихся на линиях Мажино и Зигфрида, было рукой подать. У Мари не укладывалось в голове, что буквально в десятках километров уже идет настоящая война, где под шквальным пулеметным огнем гибнут солдаты. Жюль уверял, что бошам ни за что не преодолеть линию Мажино. Провожая Мари, он сказал:

– Не тревожься, принцесса! Через пару месяцев все боши лягут под нашими пулемётами. Возвращайся в Париж, к своим цветочкам и ничего не бойся.

Ветер на палубе перестал веселиться. От его порывов загудел весь корабль. Почувствовав, что замёрзла, Мари спустилась в ресторан лайнера, откуда после легкого ужина вернулась в каюту.

Глава 5

Уже давно стихли стоны и растрачены последние поцелуи, а Андрей еще лежал, глядя в окно, откуда пробивался утренний свет. Кристина была рядом, упав головой на его руку. Он настолько эмоционально выгорел за эту ночь, что не хотелось ни спать, ни, что удивительно, курить. Кристина слегка шевельнулась на его руке и прошептала:

– С тобой хорошо…

Андрей подумал:

– Даже странно, насколько банально звучат эти слова. Лучше бы молчала.

Он ничего не ответил и представил девушку в объятьях того брюнета, с которым она завтракала. Наверное, перед тем как ее бросить, он думал, что ей сказать. А, возможно, он просто думал, как она ему надоела. Такое тоже бывает… Неожиданно в памяти всплыла картина, виденная несколько лет назад. Андрей уже развелся с Наташей и поехал с Викой на Адриатику. Начав со Словении, они перебрались в Хорватию, а потом в Черногорию. Разумовский еще по инерции находился в эйфории после бракоразводного процесса, но в глубине души начал понимать, что Вика, хоть и стала катализатором развода, уже жутко раздражает его. Самое страшное для Андрея было признаться самому себе, что она явно не стоила его разрушенной семьи. Утешало только одно – таких Вик может быть много. Сейчас же получалось как у Бунина в «Куме» – «А там я ее, в этих лакированных сапожках, в амазонке и в котелке, вероятно, тотчас же люто возненавижу!» Каждый, кто приезжает в Черногорию или по-европейски Монтенегро, так или иначе сталкивается с растиражированным изображением крошечного островка Свети Стефан. Это даже и не остров, а скала, расположенная рядом с берегом. На ней испокон веков была рыбацкая деревушка. Потом, во времена Иосифа Броз-Тито, было принято решение открыть там отель. Место это действительно очень живописное – тут тебе и пляж Короля и пляж Королевы с розовым песком и базальтовым гротом. На островке по-прежнему действует фешенебельный отель, к которому ведет насыпь-мост. Собственно говоря, слева от моста и скалы находится пляж Короля, достаточно большой и очень дорогой. Здесь они с Викой оказались по совету ее знакомых, настойчиво рекомендовавших это место к посещению. На второй линии Андрей и Вика выбрали пару лежаков с матрасиками из натуральной кожи и, побросав вещи, отправились плавать. Затем девушка пошла сменить купальник, а Андрей с сигаретой в зубах принялся рассматривать окружающих. Его внимание привлекла сцена, происходящая прямо перед ним на первой линии. Под массивным деревянным квадратным зонтом со стороной метра в полтора на двух лежаках расположились ухоженная блондинка лет сорока с короткой стрижкой и упитанный мужчина приблизительно такого же возраста с панамой на голове. Они сидели на одном из лежаков и и вели оживленный разговор. Ветер и шум моря уносили звуки, ни слова не долетало, но казалось, что женщина старается в чем-то убедить собеседника. Тут вернулась Вика, принялась что-то говорить, и Андрей забыл про парочку напротив. Возвращаясь после очередного заплыва, он обратил внимание, что блондинка легла на лежак рядом с мужчиной и, ласково поглаживая его по волосатой груди, целует в шею. Ее спутник при этом абсолютно равнодушно смотрел куда-то в сторону. Через некоторое время ветер донес даже не слова, а отголосок его раздраженной короткой фразы, и женщина, встав с лежака с обиженной миной, пошла к волнам, покачивая красивыми бедрами. Оставшийся лежать мужчина пожал плечами и повернулся на другой бок. Андрей подумал, что блондинка – это, скорее всего, надоевшая любовница, которая, всячески пытается удержать охладевшего к ней партнера. Она набрала в руку несколько камешков и, встав в воду по щиколотку, грустно бросала их в прибой. Андрей тогда ощутил некое подобие солидарности с мужчиной в панаме, понимая, как ему казалось, равнодушие последнего. Ведь и Вика, в общем-то, была близка к такой ситуации. Если тебя разлюбили, здесь уже ничего поделать нельзя.

Первое, что увидел Андрей, открыв глаза, была Кристина, с улыбкой дефилировавшая по номеру в его рубашке с чашкой кофе в руке. Так она выглядела даже соблазнительнее, чем в платье.

– Доброе утро! Как спалось Вам, монсеньор?

Андрей, улыбнувшись, ответил:

– Неплохо, сеньорита, спасибо!

Она сделала глоток кофе и сказала:

– Кофе допью и пойду, пора и честь знать.

Андрей спросил:

– Куда? В номер?

– Да, надо расплатиться. Не хочу оставаться в этом отеле ни минуты. Да и тебе надо торопиться, скоро поезд.

Заметив изумленный взгляд Разумовского, пояснила:

– Ты мне вчера сам сказал, что утром уезжаешь на «Сапсане». Я и подумала..

– Если хочешь, можем остаться еще на пару дней здесь, в Петербурге.

– Нет, мне нужно возвращаться в Москву. У меня билет на вечерний «Сапсан».

– Ты вообще как?

– Все отлично для девушки в моей ситуации.

Она поставила кофе на стол и пересела к нему на кровать, поджав под себя ногу. Утром, без макияжа, она выглядела еще сексуальнее. Андрей попытался привлечь ее к себе, но она, смеясь, ловко вывернулась. Он спросил:

– Что, больше не хочешь?

– Не в этом дело. Вчера ночью мне было нужно, чтобы меня любили, иначе я бы умерла. А сейчас я справилась, ты помог. Но к новой любви я пока не готова. Надо старую пережить. Я не могу вот так переключиться – вчера любила одного, на следующий день другого. Дашь мне время?

Андрей задумчиво посмотрел на Кристину. Интересно, что-то зависит от его ответа? А если не даст он ей времени, тогда что? Потеряет свой уникальный шанс? Чтобы закончить разговор, он утвердительно кивнул,. Кристина вдруг наклонилась и поцеловала его в щеку, а затем отстранившись и глядя в окно, произнесла:

– Я сегодня видела сон. Ты снился.

Андрей, улыбаясь, заинтересовался:

– Так, и что там было?

– Я видела тебя в помещении с множеством комнат. Стены там были из прозрачного зеленого стекла, и все это производило впечатление, что мы находимся в гигантском стеклянном лабиринте. Но потом я поняла – это огромная пирамида или призма. Ты шел по коридору, а я смотрела на тебя через эти прозрачные стены. Потом мы оказались в центре строения, но я видела тебя сверху. Ты стоял с каким-то свертком… Нет, это был не сверток, скорее что-то похожее на картину, обернутую бумагой. Я однажды такую тащила из багетной мастерской. И к тебе подошла старуха…

Кристина сделала паузу, вспоминая подробности сна. Андрей молча ждал продолжения. Девушка сказала, как будто отвечая кому-то:

– Да, точно, старуха в капюшоне. Знаешь, как у монахов балахон такой? Вот, она подошла и спросила тебя: «А ты уже умылся?». Ты вроде как кивнул ей, и она сказала: «Тогда тебе пора». Вот такой сон был.

Андрей спросил:

– И что, по-твоему, это может значить?

Кристина села на кровать, обняв колени. Она была невероятно соблазнительна сейчас, и Андрей снова попытался обнять ее, но она уклонилась и произнесла:

– На самом деле все серьезней, чем тебе может показаться. Судя по всему, во сне ты оказался в призме времени.

Разумовский повторил за ней:

– В призме времени? Что это?

– Призму времени иначе называют перекрестком времен. Это место, где пересекаются плоскости разных эпох. Я читала об этом однажды, давно.

Андрей прокомментировал:

– Крис, мне же не пятнадцать лет! Зачем морочить мне голову этой ерундой? Ну не хочешь ты больше переспать со мной, так и скажи. К чему выдумывать эту мистику – пирамиды, старух и перекрестки времени? Ну, ты чего, в самом деле?

Она уселась на кровати на колени и ответила:

– Ты не понимаешь! Что-то случится, не обязательно плохое, но что-то произойдет в твоей жизни. Я думаю, что это связано с тем предметом, который был у тебя а руках.

Андрей скептически помотал головой в ответ, а Кристина произнесла:

– Во времени могут перемещаться только предметы. Если такая вещь была у тебя в руках, это значит, что ты каким-то образом с ней связан…

Она замолчала, а Андрей встал с кровати со словами:

– Ладно, пусть так. Я иду в душ!

Он вышел из ванной через десять минут и окликнул Кристину. Ему никто не ответил. В комнате ее не было. – Неужели ушла? Вот так? – мелькнуло в голове. На кровати лежал блокнот с логотипом отеля, который кладут в каждый номер. Он был открыт, и на листе аккуратным женским почерком написали:

8 903 356 1648, Кристина. Через два месяца.

Андрей повертел в руке блокнот и бросил его на кровать, подумав, что на странных баб ему точно везет. Перед отъездом из отеля надо было успеть позавтракать и собраться. Он быстро спустился в ресторан и огляделся – Кристины там не было. Пожав плечами, он позавтракал и вернулся в номер. Собрал вещи и расплатился на рисепшн. Ему вызвали такси. В ожидании машины Андрей вышел на улицу и закурил. По привычке дошел до арки и мысленно попрощался с улицей Зодчего Росси до следующего раза.

Заняв свое место в вагоне, он осмотрелся – знакомые по предыдущей поездке лица «Квартета И», смотрящие с расклеенной по всему салону рекламы банка. Когда поезд тронулся, Андрей, надев наушники, попробовал послушать музыку, но быстро отключился из-за небольшого количества сна прошлой ночью. Где-то через два часа он проснулся. Проезд стрелой летел между полей в Москву. Рядом соседи обсуждали музеи Петербурга. Андрей снова одел наушники. Мысли крутились вокруг Кристины, прошлой ночи и рассказа девушки про сон. Чтобы отвлечься от этого Андрей подумал про сотрудников своего агентства, текущие проекты и планы на ближайшее будущее. Мероприятий пока не планировалось, есть несколько историй по сувенирке и продакшн, но с этим Маша и Лена, две оставшиеся сотрудницы, легко справятся. Да, без ивент-менеджеров тяжеловато, надо срочно искать новых. Мысли снова вернулись к Кристине, но Андрей постарался не думать о ней. Только какая-то деталь в ее сне беспокоила его. Он не мог сообразить, что именно. Вроде все это выглядит обыкновенной чушью – да мало ли что может присниться. – Ерунда, само вспомнится, – подумалось ему, – надо переключиться на что-нибудь еще.

Разумовский посмотрел на часы – до прибытия оставалось двадцать минут. Достав смартфон, он заказал автомобиль через Яндекс-такси. Поезд между тем вскоре прибыл на Ленинградский вокзал, раздался звонок от водителя, и через десять минут Андрей уже ехал в такси домой на Ленинский проспект.

Глава 6

Присев на стул, Мари снова бессильно сложила руки на коленях и замерла. Корабль уверенно рассекал волны своим огромным носом. В иллюминаторе ничего не было видно, только ночь. Девушка подумала, что вполне очевидные вещи выглядят порой довольно странно. Например, сегодня днем она еще была в порту, и в памяти всплыла картинка залитого солнцем причала. А сейчас, спустя всего несколько часов, вокруг только кромешная тьма ночного моря. И ты понимаешь, что, естественно, раз корабль движется, то он удаляется от берега. При этом факт того, что еще совсем недавно ты находился на суше, а сейчас уже в открытом море, удивляет твой разум. Эти размышления привели Мари к воспоминаниям о сегодняшнем происшествии и встрече с цыганкой. Что она сказала? Девушка заглянула в саквояж и извлекла небольшую тетрадь в красном кожаном переплете. Мари постаралась точно вспомнить слова цыганки и раскрыла дневник, чтобы записать предсказание. На секунду задумавшись над тетрадкой, она карандашом записала пророчество по-русски на уже исписанной странице. Во-первых, вдруг дневник попадет кому-нибудь в руки, а там записаны слова про секрет, про ее тайну. Такая запись может вызвать подозрение. А русские буквы могут и за каракули принять. Кроме того, слово «Калемегдан» было ей знакомо, и ассоциативно оно почему-то тоже было связано с русскими. В общем, язык славян показался Мари наиболее подходящим для записи предсказания. Отложив в сторону тетрадь, девушка снова окунулась в воспоминания.

Она вернулась в столицу, где содержала небольшой цветочный магазин. Точнее сказать, ее тетка Жанна завела этот магазин как свое хобби. Однако после ее неожиданного отъезда забота о магазине легла на плечи Мари. Это не было в тягость, ведь за несколько месяцев она узнала все нюансы. Вообще-то, Мари была сильно увлечена живописью и архитектурой. Ей неплохо давался рисунок, азы которого столь блестяще преподавал мсье Барбо. Мари с большой охотой занималась с ним. Художник совсем спивался, заливая горькой свое разочарование в жизни. Когда он был трезв, ни одна душа не предположила бы того, на что этот человек способен, будучи «под мухой». Однажды после попойки он споткнулся на лестнице и, скатившись на два пролета вниз, уснул. В ночной тишине грохот от падения был чудовищный. У разбуженных соседей не возникло сомнений в причине шума, так как пока мсье Барбо летел вниз, его падение сопровождалось громкой руганью. Как он потом объяснял жандармам, наверху на него напали гаргульи, прилетевшие с башен собора Нотр-Дам, и сбросили его прямиком в ад. Возмущенные соседи вызвали полицию, и началась битва, поскольку мсье Барбо не хотел сдаваться окружившим его монстрам. В результате двум «гаргульям» он сломал носы, но и самому досталось немало. Только заступничество Жанны спасло его от суровой кары. Мсье Барбо, вспоминая эту историю, не без юмора подводил итог: «Вот что может сделать с художником абсент! Пробуждаются ужасные чудовища в сознании и скрытые в организме физические ресурсы!» На вопросы друзей, не боится ли она доверять племянницу этому алкоголику, Жанна отвечала, что его алкоголизм является платой за талант, а именно талантливый художник нужен Мари в качестве учителя. Действительно, через двадцать лет за его картины, неожиданно всплывшие на европейских и американских аукционах, стали платить бешеные деньги. Откровенно говоря, Жанна была безмерно признательна художнику за то, что он согласился заниматься с ее племянницей. Жуткая автокатастрофа, унесшая жизни родителей Мари, жестоко отразилась на психике ребенка. От потрясения девочка онемела. За год она едва произнесла с десяток слов и только постоянно плакала. Жанна не находила места от переживаний, показывала Мари профессорам, но те только разводили руками. Через год девочка перестала плакать и взялась за карандаш и бумагу. Сначала в ее рисунках не было ничего осо-

бенного, но постепенно в них стали проступать признаки таланта. Увлечённая рисованием, Мари стала понемногу выбираться из болезненного состояния. Ободренная Жанна решила показать рисунки племянницы врачу, который работы похвалил и посоветовал найти учителя рисования для девочки. И вот здесь маркизу ожидало поражение – Мари наотрез отказывалась общаться с педагогами. В лучшем случае, она односложно реагировала на их попытки, и преподаватели вежливо отказывались продолжать занятия спустя несколько уроков. Ситуацию спас Чезаре Бартоломео, известный художник и любовник Жанны. Он как-то рассказал ей, что встретил старого приятеля Барбо, который остро нуждался в средствах. Чезаре упомянул недюжинный талант Барбо и вспомнил историю о том, как художник выиграл пари, научив рисовать одного довольно известного поэта, который уверял, что за несколько уроков это сделать невозможно. Жанна ухватилась за идею нанять Барбо, но Чезаре стал ее отговаривать, упирая на то, что его приятель хронический алкоголик и вряд ли подходит на роль учителя рисования для Мари. В конце концов, это ведь ребенок, а не пьяница-поэт! Чезаре и сам был еще тот гуляка и прекрасно знал нравы парижской богемы. Однако, Жанна настояла, и к удивлению всех мсье Барбо и Мари подружились. Девочка увлеклась живописью, Барбо часто брал ее с собой на вернисажи, чтобы продемонстрировать ученице тонкости искусства на примерах работ других художников. Порой Чезаре приглашал ее вместе с Жанной на выставки. Как любой итальянец, мсье Бартоломео любил детей и обожал проводить время с Мари. Когда они появлялись на вернисаже втроем – он, Жанна и Мари – всякий, кто не знал печальную историю родителей девочки, – был уверен, что видит перед собой счастливое семейство. Высокий импозантный Чезаре держал под руку все еще восхитительную Жанну, рядом с которой шла симпатичная девчушка в кружевном платье.

Мари пошевелилась и, дотянувшись до саквояжа, открыла его. Немного порывшись в нем, она достала и поставила на столик небольшую фотографию в изящной бронзовой рамке. На фото улыбалась элегантно одетая красивая блондинка лет сорока. В руке она держала мундштук с тонкой папиросой. Красивые губы изогнуты в ироничной улыбке. Уже одного взгляда на фото было достаточно, чтобы понять – к ногам этой дамы склонялись толпы обожателей. Мари долго смотрела на фото, потом прошептала:

– Ах, дорогая Жанна, как же мне тебя не хватает!

Вспомнился эпизод, когда Жанна однажды сказала ей:

– Старайся не показывать в Париже, что ты знаешь русский! Не те времена сейчас… Ни о чем не спрашивай, потом поймешь.

Мари поступила так, как требовала тетка. Урожденная Жанна Садовская успела многое повидать. В двадцать три года, несмотря на противостояние со стороны матери, она вышла замуж за француза-танцовщика Анри Бельфора и сбежала из родного Петербурга в Париж. Счастье влюбленных продлилось недолго из-за разразившейся Первой мировой войны, которая охватила своим огнем всю Европу. Бедность, голод и неустроенность убили их любовь. Без вина и хлеба Венера гибнет. Кто кого бросил, в семье никто не обсуждал, но известно, что примерно через год Жанна Садовская-Бельфор танцевала в Мулен Руж. В заведение на бульваре Клиши рвались попасть все – и те, кто пытался спрятаться в душном мареве кабаре от липкого страха, вселяемого столь близкой войной; и те кто вернулся с залитых кровью фронтов, и просто хотел избавиться хоть на миг от кошмаров, затерявшись в веселой пестрой толпе, пирующей во время чумы. Офицеры, адвокаты, аристократы и даже некоторые особы из европейских королевских домов приезжали посмотреть ревю в Мулен Руж. Однажды, буквально за месяц

до знаменитого пожара 1915 года, после которого кабаре открылось только через шесть лет, Жанну представили немолодому маркизу Де Грасси. Француз был настолько очарован ее красотой и умом, что уже через полгода эта «русская стерва», как за спиной ее называли другие танцовщицы, стала маркизой Де Грасси и поселилась в просторной квартире в одном из центральных кварталов. Петербург а это время накрыла волна Революции, и связь с семьей была утеряна, но все же через старых знакомых Жанне удалось отыскать младшую сестру Анну. Мать к тому времени умерла, так и не простив дочери бегство с Бельфором. Благодаря связям мужа в министерстве иностранных дел, маркизе чудом удалось вырвать сестру из большевистской России, которая погружалась в пучину Гражданской войны. Так Анна Садовская оказалась в Париже и через год вышла замуж за Бернара Кааса, а еще через год у них родилась Мари. Маркиз выполнял все капризы молодой жены, она блистала на балах и кружила головы аристократам всех мастей. Лето чета Де Грасси проводила в поместье недалеко от Луары, куда часто приезжали Бернар и Анна с малюткой Мари. В самом начале осени маркиз с Жанной уезжали на Капри на свою виллу. Особняк стоял на живописном мысе, врезавшемся в море. В одном месте среди скал была вырублена широченная лестница, ступени которой уходили в воду. Рассказывали, что лестнице больше полутора тысяч лет, и что сделали ее по приказу императора Диоклетиана. Жанна часто сидела на этих ступенях, глядя на солнце, тонущее в волнах спокойного моря. Именно здесь, на «лестнице императора», она впервые встретилась с Чезаре. Художник с друзьями приплыл на лодке, чтобы самому увидеть итальянскую Лорелею, как он назвал Жанну. Рыбаки, проплывая на закате мимо, замечали белокурую женщину, сидящую среди скал, и как-то рассказали об этом Чезаре в таверне. Романтичный художник с друзьями решили проверить, правда ли это. Наняв лодку, они поплыли к мысу перед закатом и действительно встретили там Жанну. Потрясенный ее красотой, Чезаре выскочил на берег, наговорил кучу комплиментов, умолял позволить ему написать ее портрет и ушел только тогда, когда на берегу появился вышедший на прогулку маркиз. Жанна смущенно улыбалась, провожая глазами лодку с веселыми итальянцами. Мужа она не любила, но отдавала себе отчет в том, что своим положением в обществе и уровнем комфорта в жизни обязана только ему. Она от чистого сердца заботилась о его здоровье, оберегала от простуд и прочих недугов. Маркиз как умный человек, прекрасно понимая суть их отношений, очень ценил ее заботу о нем. Как человек благородный, он ни разу в жизни не позволил себе упрекнуть жену в их изначальном неравенстве и относился к ней по-прежнему тепло. Смирившись с тем, что годы берут свое, маркиз закрывал глаза на увлечения Жанны. Она же никогда не афишировала своих отношений на стороне, и все друзья только восторгались их прочностью их брака, выдержавшего уже десять лет.

Экспрессивный итальянец приплывал несколько дней подряд на закате, но Жанна не выходила на берег, дабы не вызвать ненужные пересуды. А потом маркиза вызвали в Париж из-за неотложных дел в Парламенте, и он решил отправиться уже на следующий день. Жанна в тот вечер все же пришла на лестницу в скалах, чтобы попрощаться с великолепным итальянским закатом. Есть что-то необъяснимое в привязанности русских к Италии. Стоит русскому всего один раз побывать здесь, и все – покорен, раздавлен и очарован навсегда. Даже расставание русского с Италией – всегда мучительный и болезненный процесс. Жанна не была исключением, ей нравилось жить на Капри, и оставляла виллу она в большинстве случаев неохотно. Маркиза грустно следила за красным солнцем, исчезающим за горизонтом, когда прибежал запыхавшийся Бенито, сын их кухарки. – Синьора, синьора! Вашему мужу стало плохо! – кричал он на бегу. Жанна бросилась в дом, но было поздно. Приехавший врач объяснил, что у маркиза случился инсульт, и спасти его было невозможно. Жанна рассеянно слушала рассказ прислуги о том, как господин находился у себя в кабинете и попросил принести стакан лимонада. Через десять минут Бенито поднялся с подносом наверх и постучал в дверь. Ему никто

не ответил, и он, подождав еще пару минут, постучал снова. Опять тишина. Тогда мальчик открыл дверь кабинета и увидел лежащего на полу мертвого маркиза. Внезапная кончина мужа потрясла Жанну, и родные делали все возможное, чтобы вернуть ее к жизни. После похорон маркиза уехала из Парижа, путешествуя по Европе, но надолго нигде не останавливаясь. Сестра Анна следила за ее передвижениями по открыткам, которые Жанна присылала ей из каждого нового города.

Глава 7

В холостяцкой квартире Разумовского все было без изменений. Приходившая в его отсутствие домработница Вера навела в доме идеальный порядок. Андрей включил музыку. Совершенно случайно недавно он наткнулся на альбом ди-джея Kheops и, хотя электронная музыка ему не особо нравилась, здесь зацепила мелодичность композиций. Перед отъездом толком послушать альбом не удалось, но сейчас нашлись и время и настроение. Впереди воскресенье, надо навестить родителей и съездить за продуктами. Наташа с дочкой Лерой отдыхают на Кипре, уехали неделю назад. Андрей сварил кофе и прилег на диван. Музыка ди-джея быстро надоела, и он сменил диск на другой – сборник восточных мелодий, где ведущую роль играла скрипка. Разумовский чувствовал, как его что-то беспокоит, но не мог сообразить, что именно. Нужно было осмыслить последние события, а ему никак не удавалось сосредоточиться. Тогда Андрей встал с дивана, закрыл плотными шторами окно и включил свою любимую настольную лампу, привезённую из Стамбула. Как будто из волшебного фонаря на пол легли разноцветные пятна света. Андрей снова лег на диван, иногда делая глоток холодного кофе. Прокручивая в голове снова и снова вчерашний вечер, он пришел к выводу, что постоянно возвращается в мыслях к Кристине. Подумал, обращаясь к самому себе: – Разумовский, только не влюбись! Вот этого не надо! Причина беспокойства крылась где-то внутри событий, действий или слов, связанных с девушкой. Это ясно. Вот только ему никак не удается определить это. Уверенный, что рано или поздно все равно вспомнит это, Андрей заставил себя успокоиться и задремал.

Воскресенье прошло так, как он запланировал. Родители были рады видеть сына, который не очень часто заглядывал к ним из-за своей бесконечной занятости. От упрёков Андрей отбивался обычно так:

– Мама, дорогая, это счастье, что у меня есть проекты. Сколько моих коллег позакрывали свой бизнес! Сейчас таким агентствам очень непросто.

Родители кивали, соглашаясь. Мама рассказывала про сына подруги, который два года сидит без работы. Отец защищал:

– Что ты его грузишь этими вещами! Есть бизнес, и отлично!

Выйти от родителей, не попробовав пирог, борщ или винегрет, которые мама специально готовила для него, было невозможно. И, конечно, разговор плавно перетекал на больную для стариков тему – его развода:

– А как с Наташей? Не помирились?

Простить Наташа его не могла, да он и не делал попыток примирения. Развелись, и ладно. Что тут скажешь? Да, сам виноват, побежал за очередной юбкой и, что называется, спалился. Правда, есть подозрение, что здесь как раз не обошлось без помощи Вики, его тогдашнего увлечения. Она вдруг начала без его ведома публиковать в соцсетях их совместные снимки. Подруги жены обратили ее внимание на это, и началось! Результат – развод, и дочь Лера растет без отца, а Андрей – безответственная похотливая скотина. И никто не задал вопрос о причинах измены. А ответ очень прост и стар как мир – ни один мужчина не будет изменять жене, если у них все хорошо в постели. Можно ходить по психологам, слушать их советы и оплачивать дорогостоящие консультации, но факт остается фактом – будь у них хороший секс, вряд ли он обратил бы внимание на Вику. И все рекомендации типа «будьте откровенны в своих желаниях, говорите друг с другом» не стоят ничего, так как нельзя сказать жене и матери своего ребенка: – Наташа, прекрати лежать бревном! Шевельнись хотя бы чуть-чуть! Женщины в браке расслабляются, секс уже не играет для них такой роли. Когда его поход «налево» раскрылся, Разумовский ничего не стал отрицать, оставил квартиру жене и съехал. Ему повезло – несмотря на кризис, череда крупных контрактов позволила обзавестись новым

жильём. С Викой он спустя полгода расстался, так как не смог простить ей той бабьей глупости, из-за которой пришлось развестись с женой. Вероятно, Вика «дожала» бы его и по-другому, но выбранный ею банальный вариант его невозможно бесил. К тому же, как хозяйка она была отвратительна – ни приготовить мало-мальски съедобной еды, ни навести элементарный порядок в квартире она была не в состоянии. Вика была создана «зажигать» – танцевать в клубах, не спать до утра, накачавшись шампанским. Кто-нибудь мог возразить, что Андрею стоит определиться – либо проститутка в постели, либо курица-домохозяйка. Но почему-то ему очень хотелось найти золотую середину.

В понедельник Разумовский на стоянке во дворе уселся а свой серебристый BMW и отправился в офис, который его агентство занимало в бизнес-центре на Верейской. Бензин был практически на нуле, и Андрей свернул в сторону заправки. Как всегда в утренние часы к колонкам с топливом выстроились несколько очередей из автомобилей. Необычная для мая жара заставила водителей включить кондиционеры, шум от которых сливался в сплошной гул с резкими завываниями компрессоров. Андрей встал в одну из очередей. Через пару минут стоящий у колонки автомобиль отъехал, и его место занял следующий. Когда настал черед Андрея подвинуться, он проехал метр и остановился, так как из соседней очереди выехал внедорожник и встал между двумя колонками. Разумовский с любопытством посмотрел на водителя. За рулем сидела дама в темных солнечных очках, явно намеревавшаяся проехать перед Андреем. Он уже готов был махнуть рукой на хамство и пропустить ее, но заметил, что топливный бачок у внедорожника расположен слева, а девушка собиралась встать к колонке правой стороной. При этом в нужной ей очереди осталось подождать всего одну машину. Андрей поинтересовался:

– Девушка, извините! Вы к какой колонке собираетесь ехать?

Дама из внедорожника дала исчерпывающий ответ:

– Какая колонка освободится первой, туда и поеду!!!

Андрей опешил. Даже для водителя-чайника это было чересчур. Но он предпринял еще одну попытку:

– Девушка, у Вас же бак слева! Зачем Вы едете к этой колонке?

Ответа на последовало. Дама отвернулась и подняла стекло окошка. Видимо, поняв всю тупость своих действий, она решила, тем не менее, стоять на своем. К счастью, подходящая ей очередь шевельнулась первой, и она, устав от ожидания, так рванула вперед, что таджик-заправщик еле увернулся. Залив бензин, Андрей направился в агентство, размышляя, сколько таких упертых идиоток ездит по дорогам столицы.

Войдя в офис, он застал сотрудников собравшимися у монитора Лены, которая в компании Маши и дизайнера Кирилла дико гоготала. Все трое подняли глаза на вошедшего Андрея и постарались сделать серьезный вид, но сдержаться не смогли и просто заржали в голос, а Кирилл, вернувшись на свое место, вдобавок потерял от смеха равновесие и рухнул со стула на пол. Теперь смеялся уже и Андрей. Отсмеявшись, он попросил объяснить причину такого веселья:

– Что случилось?

Лена, высокая полноватая брюнетка тридцати лет в обтягивающих джинсах и черной футболке, ответила вопросом:

– Помнишь тот продакшн – проект, который клиент одобрил перед твоим отъездом?

– Гутен Таг?

Она кивнула:

– Именно. Так вот, они позвонили и попросили дополнительно срочно организовать им «гориллу» с распространением в сетях.

Андрей присел на краешек стола Маши и заинтересованно сказал:

– Так?! И?

Действительно, некоторое время назад в агентство обратился бренд-менеджер направления чистящих средств компании «Гутен Таг», известного производителя бытовой химии из Германии. Они собирались провести промо-кампанию, нацеленную на продвижение своего бренда. Для воплощения идеи требовалась ростовая кукла и одетый в этот костюм промоутер. Дело в том, что на логотипе «Гутен Таг» изобразили симпатичного барсучонка. Поэтому промоутеру было следовало ходить около станции метро в костюме барсука и раздавать листовки. Куклу изготовили, и промик уже готовился выйти на позицию, но в последний момент концепция изменилась – клиент захотел «гориллу». Есть такой термин guerilla marketing – партизанский маркетинг или проведение кампании нестандартными методами, которые потом получают широкий резонанс, например, через социальные сети. Как следствие, продвижение бренда идет быстрее и эффективнее. Вот ребята из «Гутен Таг» и захотели такую штуку, причем, в качестве стартового пункта кампании они выбрали станцию метро, где их барсук должен выполнить благородную миссию – подметать перрон в час пик. Акция будет снята на видео и выложена в Интернет. Таким образом, потребитель увидит как добродушное животное – читай, воплощение чистящих средств «Гутен Таг» – борется с грязью. Времени на согласование с властями метрополитена не было, и решили действовать на свой страх и риск. Лена, видео-оператор и промоутер в костюме барсука выдвинулись на Киевскую в двух машинах. Если менеджер и оператор ехали в такси, то для транспортировки ростовой куклы нашли пикап Фольксваген Амарок, в кузове которого гордо сидел двухметровый серо-черно-белый барсук. Довершали наряд маска а-ля Зорро на огромной голове и короткий черный плащ, реющий на ветру. Пока ехали по Кутузовскому, супергерой время от времени дружелюбно помахивал лапой водителям в потоке, что несомненно вызывало ажиотаж в виде одобрительных гудков. Оператор снимал происходящее из окна такси. На Киевской «барсук» получил билет, по которому должен был пройти через турникет как любой другой пассажир метро. Дремлющий на стуле дедушка немного встрепенулся, увидев человека в необычном даже для этого места костюме, но успокоился, когда тот использовал свой проездной. Лена и оператор уже ждали внизу, чтобы снять появление «барсука» и его спуск по эскалатору. Люди вокруг улыбались, замечая «барсука» с веником в лапах. Уборка перрона прошла благополучно, пассажиры реагировали положительно. «Барсук» обнимал их, а оператор снимал материал. Неожиданно к промоутеру подошел наряд милиции и поинтересовался, чем он занимается. Толком непонятно, отчего промоутер так среагировал – может быть испугался наказания за несанкционированное проведение акции или по каким-то другим причинам, но только он побежал. Представьте двухметрового барсука с огромной головой, который несется сквозь толпу людей на перроне. А за ним бегут, матерясь, два патрульных. Лена крикнула оператору «Снимай!», а сама бросилась выручать «барсука», которого к тому времени уже скрутили и вели в отделение. В общем, промоутера удалось отбить, и его отпустили. А сегодня оператор прислал смонтированный сюжет и отдельно весь материал без купюр, над которым они так смеялись. Андрей тоже посмотрел и смеялся до слез, глядя на эту погоню. Клиент пришел в восторг от ролика, в котором «барсук» триумфально подъезжал на грузовике и заходил в метро, потом подметал пол перрона, обнимаясь с пассажирами, а в конце его преследовали стражи порядка. Кроме того, потребовали немедленно выложить видео в сеть. Спустя три часа количество просмотров достигло серьезного значения, бренд-менеджер позвонил и предложил встретиться на следующий день, чтобы обсудить сюжеты последующих историй. Довольные Лена и Маша воодушевленно обсуждали перспективы, а Андрей вернулся в кабинет. Еще от одного клиента пришел новый бриф на проведение промо-кампании. Нужно было ознакомиться с документом и предложить свое видение – с вариантами площадки и механики. Клиент – сетевое агентство, сидящее на бюджете известного азиатского производителя электроники – намеревался провести промо-кампанию своего флагманского смартфона в престижном ночном клубе с последующим освещением в социальных сетях. А помимо промо нужно было еще интегрировать

в кампанию несколько мероприятий – для прессы и для клиентов. Задача средней сложности, но проработка деталей займет достаточно времени. Над этим вопросом Андрей просидел до конца рабочего дня. Уже давно ушли все сотрудники, а он прилип к компьютеру, стараясь найти новые интересные идеи для продвижения смартфона с топовыми характеристиками, да еще и защищенного от влаги и пыли. Наконец, Разумовский устало откинулся в кресле, заложив руки за голову и уставившись в висящую на стене фотографию в рамке. Тропический пейзаж с изумрудными волнами, белым песком и голубым небом успокаивал. Даже мелькнула мысль бросить все и уехать, тем более, что проектов немного, и с текучкой девчонки справятся. А с кем ехать? Одному скучно, а девушки у него сейчас нет. Андрей вспомнил о Кристине и задумался. Потом тряхнул головой, как будто отгоняя мысли о ней. Встал у окна, рассматривая кроны деревьев. Вернувшись к письменному столу, Андрей подключил к аудио-динамику свой смартфон и задумался, выбирая музыку из библиотеки. Остановился на любимом альбоме «Алисы» – «Для тех, кто свалился с Луны». Затем вернулся к работе над брифом, но долго поработать ему не дал звонок Ромы Званского, старого товарища:

– Ты как?

– Нормально. Только вернулся из Питера.

– Там тоже жара?

– Как ни странно, да. Непривычно, но здорово.

– Я с ума схожу от такой погоды.

Андрей рассмеялся:

– Похоже, не только ты.

Он рассказал о ситуации на заправке. Званский загоготал.

– Я, собственно, почему позвонил… Пойдем пиво пить. Толян и Миха будут. Чем еще заниматься в такую жару!

Андрей отказался – с брифом надо было завершать побыстрее, там клиент серьезный. Положив на стол телефон, он начал искать в тексте место, на котором остановился, но его снова прервал звонок. Теперь это был Ален, всегда произносящий его имя на французский манер:

– Андре, салют!

Андрей ответил на родном языке Алена:

– Bon soire, mon ami![1]

Ален подхватил начинание и перешел на французский, но Разумовский, смеясь, перебил его:

– Хватит! Я так и не выучил французский! Это я из вежливости! Рад тебя слышать! Как дела?

– Андре, все отлично! Работы много, и это очень хорошо. Элен снова беременна.

– Поздравляю, Ален! Искренне рад за вас. Ты прости, я видел твои звонки, но не мог ответить, все время на встречах или в запаре.

– Запаре? Что это? Я не знаю такого слова.

– Ой, прости, перехожу на сленг машинально. Запара – это много работы, когда и в туалет нет времени сходить. От слова «запариться», в общем.

– А, ясно. Тогда и у меня запара. А ты иди в отпуск, отдыхать тоже надо.

– Не могу, только вернулся из поездки и сразу взялся за бриф. Клиент очень ждет предложение.

– Ну, понятно. Если хочешь, приезжай в Париж. Несколько дней поживешь с нами, потом махнем на море, в Ниццу. Если есть возможность. Ты знаешь, мы всегда тебе рады.

Ален прекрасно говорил по-русски, без ошибок и почти без акцента.

– Ну так как?

– Ален, дорогой, большое спасибо! Честно, я бы с удовольствием, но сейчас не могу. Надо завершить работу, да и другие проекты нуждаются в контроле.

Ну ладно, решай сам.

Они разговаривали где-то раз-два в месяц, стараясь не теряться. Не так уж и много у него настоящих друзей. Андрей опять остановился на фотографии с пляжем. Жалко, что нет возможности уехать в отпуск сейчас! Отогнав от себя грустную мысль, он наконец вернулся к работе, но, просидев минут пятнадцать, осознал, что на большее сил уже нет На две трети документа он сделал наброски, остальное завтра можно доделать. Ален прав, не стоит гореть на работе. Интересно, Званский еще в баре? Звонок Роману прояснил ситуацию – к счастью, он только добрался до злачного места с двумя знакомыми.

– Знаешь ресторан сербской кухни «Никола Тесла» на Краснопролетарской?

– Мне кажется, что попадалась их вывеска на глаза, я там как-то проезжал.

– Вот и приезжай!

Посидели хорошо. Попойка закончилась около двенадцати. Хорошенько принявшие на грудь Рома и Толя с Мишей жили в родном районе, где когда-то они все вместе ходили в школу. Поэтому приятели и уехали так же вместе на вызванном такси. Разумовский остался один на ночной улице. Вдруг он увидел лавочку, обыкновенную лавочку со спинкой. Может быть, здесь была автобусная остановка. Андрей уселся на лавочку и, закинув ногу на ногу, закурил. Подумал, что надо бы тоже вызвать такси. BMW он предусмотрительно оставил на офисном паркинге. Странно, после трудового дня и нескольких кружек пива ему совсем не хотелось спать. Усталости не чувствовалось. Разумовский, задумчиво сидя с сигаретой в руке и стряхивая пепел на асфальт, достал телефон. Набрав номер, он спросил:

– Привет! Да, это я. Не спишь? Я сейчас приеду, не против?

Про себя он подумал, что для него это будет наилучшим вариантом завершения вечера.

1 Добрый вечер, друг мой! (франц.)

Глава 8

Несколько дней спустя, позавтракав, Мари довольно долго гуляла по палубе, а потом присела на шезлонг. Пассажиры, немного отойдя после недавнего стресса во время посадки на корабль, повеселели и, улыбаясь, фланировали вдоль бортов. Мужчины образовывали небольшие группы и, конечно, обсуждали войну и политику. Дымя сигарами, трубками и папиросами, они на чем свет стоит ругали премьера Рейно, правительство и генералитет. Мари не особенно прислушивалась к этим разговорам, но внезапно ее внимание привлекла одна особенно эмоциональная беседа. Толстяк с золотыми часами в жилетном кармане размахивал рукой с зажатой между пальцами-сосисками сигарой. Он почти кричал:

– Немцы нас перехитрили! Провели как маленьких детей! Пока мы ждали их на линии Мажино, они перегруппировали дивизии и прижали нас к Ла-Маншу. Они нас отвлекали восемь месяцев, захватили Данию, потом Норвегию, потом Бельгию и Нидерланды! Они усыпили нашу бдительность и за один месяц окружили всю союзную армию в Дюнкерке!

– Очень жаль, что вас не было все это время с нашими генералами, господин Дюруа! – язвительно отвечал ему высокий худощавый усач с чашечкой кофе в руке. – Уж Вы-то сумели бы открыть им глаза.

Толстяк задохнулся от возмущения. Он вытаращил глаза и завопил:
– Да как вы смеете, господин Бурвиль! Что вы себе позволяете!?

Остальным участникам разговора пришлось успокаивать спорящих. Разговор заставил Мари вспомнить слова дяди Жюля, сказанные ей, когда она навестила его в середине апреля, нарушив обещание не покидать Париж. Они снова сидели во дворе и обсуждали военные действия. Жюль утверждал, что это затишье на фронте неспроста, и боши что-то затевают. Он сказал тогда: – Помяни мое слово, принцесса, – эта тишина рванет с такой силой… И действительно, перейдя к активным боевым действиям в начале мая, немецкие войска разгромили французские, бельгийские и нидерландские вооруженные силы, а 31 мая британский экспедиционный корпус во Франции уже эвакуировался, переплыв Ла-Манш. Так, в результате разработанных немецким генштабом планов «Гельб» и «Рот» Германия оккупировала страны Бенелюкса и Францию. И теперь на этом лайнере уплывают от войны те, кому судьба дала шанс вырваться из оккупированной страны или, как Мари, выскользнуть из Парижа за несколько дней до его падения. Девушка вздохнула и перестала прислушиваться к голосам спорщиков, снова упав в воспоминания.

Через два года маркиза вернулась ив Париж вместе с художником Чезаре Бартоломео, тем самым итальянцем, приплывшем однажды к «лестнице императора». Она снова расцвела и выглядела очень счастливой. Совершенно случайно в Риме они столкнулись лицом к лицу на площади перед Капитолием. Чезаре Бартоломео был очень известным художником, его картины пользовались большим спросом, и, по слухам, он набрал заказов аж на пять лет вперед. При этом человек он был веселый и открытый. Явление довольно редкое, но слава и прижизненное признание таланта не испортили его. Помимо врожденной харизмы Чезаре еще был красив. Его обожали женщины, и он платил им взаимностью. Богема передавала сплетни о его многочисленных романах то с какой-то итальянской графиней, то с дочкой американца-миллионера. Но тогда у Капитолия он снова встретил Жанну и умолял ее поужинать с ним. Она согласилась, и вдвоем они провели чудесный вечер. Выйдя из ресторана, они гуляли по вечернему Риму, в котором, Чезаре, казалось, знает каждый камень и его историю. На следующий

день он явился к Жанне в отель и пригласил ее к себе, чтобы показать одну картину. В огромном зале старинной римской квартиры на мольберте стояла завешенная покрывалом картина внушительного размера. Художник открыл полотно, и маркиза увидела свой портрет. В лучах заходящего солнца она по-прежнему сидела на «лестнице императора». Такой увидел ее Чезаре в тот день. Художник признался, что нарисовал портрет сразу после их первой встречи. Пораженный красотой Жанны, он захотел навсегда сохранить образ той красавицы. Картина, написанная в необыкновенно теплых чувственных тонах, была великолепна – красивая белокурая женщина присела на широкие, сходящие в море ступени и мечтательно смотрит в воду, окрашенную закатом. Техника исполнения говорила о том, что Чезаре действительно был прекрасным художником. Он очень хотел подарить ей эту картину, но Жанна рассмеялась и обняла его. В Париж они вернулись вместе. Свой портрет Жанна повесила в зале, и все гости восторженно охали, рассматривая шедевр. Между собой его так и стали называть – «итальянский» портрет маркизы. Мари, бывая в гостях у тети, подолгу стояла перед картиной, зачарованно рассматривая полотно. Анна, ее мать, говорила сестре:

– Я понимаю, портрет твой прекрасен, но что может заставлять ребенка по часу стоять перед ним?

Жанна, смеясь, отвечала:

– Вероятно, что-то есть в этой картине. Может быть, это цвет или какая-то фигура… Спроси у Чезаре, что такое колдовское он туда вложил.

Летом двадцать девятого года Бернар и Анна привезли Мари к Жюлю на ферму, а сами через день уехали в Париж, где у Бернара были неотложные дела. Он предлагал Анне остаться, но она не любила Эльзас и хотела вернуться в город. Бернар, увлеченный автомобилист, приехал с семьей на своем Рено. Мари хорошо помнит, как поцеловала родителей перед отъездом и как забралась на колени к отцу, уже сидящему за рулем. Он поцеловал ее и обещал скоро вернуться. А потом, лихо подняв облако пыли, Рено выехал со двора фермы. Увы, Бернар и Анна Каас не смогли добраться до Парижа – на дороге из-за поворота неожиданно появилась телега, груженная лесом. На большой скорости Бернар съехал на обочину и врезался в дерево. От сильного удара погибли оба. Жюль не знал, как сообщить печальную новость девочке и раздумывал несколько дней. Наконец, на ферму приехала Жанна, и они долго разговаривали вдвоем, пытаясь придумать вариант помягче, но обмануть девочку никто решиться не смог. Прошел день, нужно было ехать на похороны, а они так и не открыли Мари правду. Утром во время завтрака, выпив чашку какао и поставив ее на стол, она ошарашила своим вопросом двух взрослых людей:

– Мама и папа больше не вернутся?

От неожиданности Жюль пролил на себя кофе, а Жанна разрыдалась. Немного успокоившись, она все-таки рассказала племяннице о смерти родителей. Теперь рыдала Мари. Она убежала в свою комнату, и, как Жанна ни старалась ее успокоить, долго плакала. Наконец, она заснула. Жанна сразу объявила Жюлю, что забирает Мари в Париж. Он и не возражал – что девочка увидит на ферме? Конечно, он может выписать гувернантку и сюда. Но получится ли у него, вечно занятого делами, заменить девочке родителей и хорошо заботиться о ней? А в Париже ей дадут прекрасное воспитание и образование, да и маркиза как женщина все-таки будет ближе девочке, чем он. Так Мари поселилась в самом центре Парижа в квартире своей тетки маркизы де Грасси, которая всячески опекала девочку, изо всех сил стараясь залечить глубокую рану, нанесенную ребенку потерей родителей.

Глава 9

Андрей поехал к Ясмине – индивидуалке, жившей на Белорусской. Насколько он знал, Ясмина всегда работала одна, без подружек. Кроме нее в квартире он никогда никого не замечал. Стоили ее услуги недёшево, но то, что она делала, оправдывало высокую цену, по крайней мере, по мнению Андрея. И речь не идет о каких-то немыслимых сексуальных умениях или извращениях. В этом плане равных ей или даже превосходящих ее проституток можно было найти сильно дешевле. Эта жрица любви ставида несколько обязательных условий – во-первых, принимала она только ночью, во-вторых, клиент должен был остаться с ней до утра. Вся эта встреча являла собой целое представление. Ясмина начинала с того, что провожала гостя в душ. Затем, после традиционного чая, кофе или алкоголя по желанию посетителя, она укладывала его на широченную кровать и исполняла «танец живота». Довольно красивая внешне, она прекрасно подходила для этой роли – темноволосая и черноглазая, стройная, очень гибкая, с красивыми руками и хорошей грудью. Ясмина одевала специальный костюм, судя по всему, дорогой, и начинала свой спектакль. Кстати, у нее тоже были турецкие лампы с цветными стеклами, расставленные на полу вдоль стен. Когда она выключала большой свет, и комната погружалась в разноцветный сумрак, Андрею казалось, что он очутился в пещере Али-Бабы. Сначала Ясмина всегда спрашивала:

– Султаном какой страны хочет сегодня быть мой господин?

В первый раз Андрея такой вопрос поставил в тупик:

– Ты о чем?

Девушка рассмеялась:

– Я о музыке. Можно включить турецкую, алжирскую, ливанскую, сирийскую, тунисскую, египетскую или марокканскую.

Андрей все время выбирал разную. Оказывается, для такого танца подходит далеко не каждая, например, арабская песня. Нужна музыка фактически без мелодии, с ярко выраженным и не очень быстрым ритмом. Все внимание должен забирать танец, так как слова и красивая мелодия будут отвлекать от зрелища. Андрей даже купил однажды диск с музыкой для belly dance, но слушать его не смог – слишком однообразно. У Ясмины все обстояло по-другому – ритм в сочетании с ее движениями завораживал, заставляя клиента почувствовать себя султаном в гареме. Ясмина начинала двигаться, покачивая бедрами и позвякивая украшениями. Она взмахивала руками и встряхивала густыми волосами, то приближаясь к Андрею, то снова отходя от него. Иногда она прикасалась к нему, нежно погладив по руке, шее или лицу. Ее бедра соблазнительно проглядывали через длинные прорези прозрачной юбки. Костюмов у нее было много, но Андрею больше всего нравился бирюзовый с золотым шитьем. Она танцевала, а клиент проваливался куда-то в иную реальность, где были только полумрак, танец девушки и ритмичный бой барабана под резкие взвизгивания дудок. Неожиданно в середине танца Ясмина вдруг поворачивалась, обнажив красивые полные груди с позолоченными крупными сосками, и начинала покачивать ими так ритмично, что навеянная музыкой дрема моментально улетучивалась, а посетитель испытывал сильнейшее возбуждение. Девушка приближалась, и зритель, уже не отводящий от нее глаз, замечал, что под юбкой нет белья. Она, кружа по комнате, снова отходила от него, двигая животом и бедрами. Иногда могло показаться, что Ясмина, поглощенная танцем, забыла о посетителе, двигаясь на середине комнаты пять или десять минут. Затем она поворачивалась спиной и, раскачивая грудью и бедрами, начинала постепенно снова приближаться к мужчине, увеличивая частоту движений согласно нарастающему темпу музыки. Дрожь сверкающей золотом ткани, движения ее ягодиц, плеч и живота сливались со звоном украшений, и вдруг прозрачная юбка падала на пол, а к посетителю поворачивалась совершенно голая девушка с золотыми сосками и браслетами на руках. Ясмина стремительно под-

ходила к кровати и ложилась рядом с изнемогающим от желания клиентом. Было заметно, что сама она тоже сильно возбуждена. Иногда между соитиями она опять танцевала. Это могло произойти как по просьбе клиента, так и по ее собственному желанию. Порой, в середине ночи она гасила свои разноцветные лампы и зажигала свечи.

Андрей приходил к Ясмине уже год. Визиты не были частыми, хотя причиной тому была совсем не высокая цена. Бывало, он посещал ее и дважды в месяц, но Разумовский помнил слова, сказанные Ясминой однажды: «Если ты придешь за месяц трижды, знай – ты влюблен в меня. Подумай, нужно ли это тебе.» Каждый раз, когда ему хотелось попасть к ней, он невольно вспоминал эти слова. Она не была рядовой шлюхой, факт. Так же как и то, что она имела высшее образование. Это чувствовалось по разговору и темам, которые выбирала Ясмина. Однажды они, сидя в постели, спорили об ассирийских изображениях – грифонах и сиррушах. К удивлению Разумовского эта дама легкого поведения проявила недюжинные познания в данной области, показав ему разницу между изображениями Ниневии, Вавилона и Суз. Как раз после этой беседы Андрей начал приходить чаще. К его большому сожалению, как он и сам всегда признавал, ему нравились девушки с интеллектом, а когда мужчине интересно с женщиной, тут и до любви недалеко. И Ясмина, заметив, что его визиты участились, сказала ему те самые слова. Однажды он задал вопрос:

– А ты еще для кого-то танцуешь?

Она улыбнулась:

– Конечно. Почему нет? Думаешь, это нравится только тебе? Мания исключительности?

Ясмина была всегда дружелюбна и покладиста. Андрей как-то раз поймал себя на мысли, что, вероятно, в тех случаях, когда мужчины женились на проститутках, они женились именно на таких как она.

Войдя в подъезд, где находилась ее квартира, Разумовский подумал, что за два месяца он не был у Ясмины ни разу. Девушка открыла ему дверь и, улыбаясь, впустила его внутрь.

На ней был тот самый костюм для танца – бирюзовый с золотом.

– Привет!

– Привет! Рад тебя видеть! Даже удивительно, что мне удалось попасть к тебе так сразу.

Ясмина закрыла за ним дверь и ответила:

– Клиент отказался, не смог приехать. Видимо, тебе это нужнее, раз все так сложилось. Проходи. Хочешь чай или кофе?

Андрей сказал:

– Кто же откажется от твоего кофе? Но шампанское тоже принеси.

Ясмина усмехнулась и молча проскользнула в кухню, указав Андрею на дверь ванной. Тот кивнул и пошел принимать душ. Когда он вошел в комнату в чистом банном халате, на столике уже стояла турка с только что сваренным кофе. Лампы вдоль стен привычно разбрасывали по ковру разноцветный свет. Ясмина прилегла на кровать в ожидании. Андрей присел рядом и молча налил кофе в стоявшую рядом с туркой крошечную чашечку. Подвинул ее девушке, затем налил и себе. Ясмина посмотрела ему в глаза и спросила:

– Потанцевать для тебя, султан?

Андрей ответил:

– Конечно, танцуй.

Она довольно улыбнулась и поднялась с кровати. Разумовский, сделав глоток ароматного кофе, наблюдал за ее манипуляциями. Ясмина взяла с застекленной этажерки небольшой предмет, который поставила на столик перед кроватью. Андрей взглянул на него – что-то среднее между маленькой пепельницей и миниатюрным кальяном. Размяв в пальцах, она положила в него какое-то вещество и подожгла. По комнате стал распространяться ароматный дым, в котором Разумовский почувствовал лимон, корицу и другие пряности. Наконец, Ясмина включила музыку. В этот раз ее выбор был крайне необычен. Вместо ритмич-

ных ударов барабана Разумовский услышал вступление на рояле, к которому присоединились скрипки и духовые. Когда зазвучал вкрадчивый колдовской вокал певицы, Андрей удивился еще больше – Ясмина никогда не выбирала для танца такие композиции. От красивой, по-восточному тягучей арабской мелодии в шикарной оркестровой аранжировке веяло драматизмом, как и от всего происходящего в целом. Девушка начала двигаться, и Андрей, наслаждаясь танцем, оказался на другой планете, где имели значение только движения этого великолепного тела в клубах пряного легкого дыма, окрашенного снизу в разные цвета. Он подумал, что такая музыка могла звучать в шалманах Касабланки – арабская мелодия с легким европейским флером. Ясмина танцевала сегодня необыкновенно страстно. Звон ее монист и браслетов гармонично сливался с позвякиваниями бубна. Примерно на середине танца она сбросила расшитый топ и стала приближаться к нему, ритмично двигая бедрами и животом. Разумовский не мог отвести глаз от великолепных грудей с золотыми сосками. Музыка закончилась, и в наступившей тишине послышался короткий металлический звук, – это упала на ковер украшенная монетками полупрозрачная бирюзовая юбка с разрезами, последняя одежда, которая оставалась на Ясмине. Девушка подошла к Андрею, и он сразу привлек ее к себе.. После, когда она лежала рядом и молча гладила его по груди, Разумовский решился задать вопрос, не дававший ему покоя каждый раз, когда он сюда приходил. Вдруг показалось, что именно сегодня между ними возникло некое подобие того доверия, которое появляется между давними любовниками:

– Слушай, почему ты здесь? Ты же великолепно танцуешь и, наверняка, могла бы зарабатывать танцами… В конце концов, ты могла бы давно все бросить, так как явно делаешь это не из-за денег. В чем причина? Или ты нимфоманка?

Отпив немного шампанского, Ясмина откинулась на подушки рядом с ним так близко, что Андрею в мельчайших подробностях был виден покрытый особым «золотым» шоколадом сосок ее левой груди, и тихо ответила:

– Ты не знаешь моей истории и не вправе судить о чем бы то ни было…

Увидев, что собеседник собирается возразить, она добавила:

– Я знаю, что ты как раз и хочешь узнать ее. Помнишь, что я говорила тебе про три посещения? Ты стоишь сейчас на пороге, а нужно ли тебе это? И нужно ли это мне?

Увидев, что Ясмина не хочет отвечать, Андрей попытался перевести разговор на другую тему:

– Ладно, не отвечай. Скажи хотя бы, почему ты выбрала именно «танец живота», а не стриптиз, например?

Она рассмеялась, обнимая его:

– Какой ты все-таки хитрый! Ну, хорошо, попробую объяснить.

Андрей, не в силах оторвать взгляд от позолоченного соска и возбужденный этим нежным объятием, прильнул губами к ее груди, стирая остатки «золотого» шоколада. Ясмина застонала. Когда разгоряченные и утомленные они снова упали на подушки, он напомнил:

– Ты хотела объяснить про танец…

Она приподнялась на локте и произнесла:

– Здесь все просто. Я очень люблю этот танец и арабскую музыку. Знаешь ли ты, что, рассказывая человеку, какая музыка тебе по-настоящему нравится, ты открываешь ему свою душу? Иногда по одной единственной песне можно составить портрет души любого человека.

Андрей немного подумал над ее словами и возразил:

– Ерунда какая-то. Сегодня нравится одно, завтра другое… Я увлекался разными стилями в разное время, а, если следовать твоей логике, должно быть что-то общее

– Или что-то, что нравится всегда. Просто надо понаблюдать. Не спеши спорить. Постарайся вспомнить. Наверняка, есть музыка, которую ты слушаешь всю свою жизнь… Скажем, двадцать лет назад ты увлекался роком, потом, например, электронной музыкой или чем-то

еще, но при этом всегда тебе нравилось, скажем, танго или романс. Не спеши, покопайся в памяти.

Андрей задумался, вспоминая, а Ясмина продолжала:

– Я не скрываю от тебя свою музыку и открываю тебе свою душу. Здесь и сейчас мне хорошо с тобой. И я вижу, что тебе тоже хорошо со мной. Потому что я открылась тебе. Ведь ты забываешь, что заплатил за это деньги. Ты приходишь сюда за любовью, за самой чистой любовью, которую можно купить за деньги. А чистая любовь скоротечна, секунда – и к ней добавляются примеси быта. В этом и есть причина моего занятия – я ищу и даю эту самую любовь в чистом виде, этот любовный эфир, который испаряется к утру без остатка, но до утра мы дышим и наслаждаемся только им. Разве не восхитительно? Поэтому я не хочу, чтобы ты приходил трижды в месяц. Ну, представь, ты влюблен в меня, а я ответила тебе взаимностью. Что дальше? Будем жить вместе? И ты никогда не простишь мне моего прошлого, как в рассказе Цвейга…

Андрей знал этот рассказ и спросил:

– А почему ты решила, что я поведу себя именно так?

Ясмина улыбнулась:

– У тебя, дорогой, может быть больше шансов, чем у других, остаться человеком в такой ситуации, но я знаю, что у нас разные дороги.

Андрей хотел было возразить, но Ясмина начала снова его ласкать, и он поддался ее напору без сопротивления. Утром его разбудил сильный аромат свежесваренного кофе. Ясмина сидела на кровати рядом и курила, отрешенно глядя в окно. Увидев, что гость проснулся, она с улыбкой сказала:

– Доброе утро, султан!

Голова после бурной ночи шумела. Андрей сел на кровати и ответил:

– Доброе утро! Когда ты успела сварить кофе?

Он дотянулся до часов и увидел, что стрелки уже подходят к полудню. Быстро умывшись и одевшись, Разумовский сделал глоток кофе и достал портмоне. В отличие от остальных своих коллег Ясмина никогда не брала деньги заранее. Расплатиться с ней можно было только утром. Заметив, что Андрей взял в руки кошелек, она отрицательно помотала головой и произнесла:

– Сегодня я не возьму с тебя денег. Не спорь, это мой подарок тебе.

Андрей удивленно поднял на нее глаза, а она в ответ добавила:

– Да, это подарок. На прощание. Больше не приходи.

Андрей в изумлении подошел к ней:

– Ясмина, почему? Что случилось? Я обидел тебя?

– Ты здесь ни при чем. Просто больше мы никогда не встретимся.

– Ты можешь по-человечески объяснить, что происходит? Ты уезжаешь?

Ясмина закусила губу в раздумье, но потом ответила:

– Хорошо, я объясню, но обещай, прошу, что сразу после этого ты уйдешь, не говоря ни слова! Хорошо? Обещай!

Это прозвучало настолько трогательно и так по-детски, что Андрею ничего и не оставалось, кроме как обуться и дать ей это обещание. Ясмина следила за его действиями, и когда он выпрямился и пообещал, сказала:

– Я умираю. Болезнь пожирает меня. Не бойся, тебе ничего не угрожает – это не заразно. Мой муж, узнав, что я неизлечимо больна, оставил меня. Тогда я решила, что это несправедливо оставаться одной и лишиться любви из-за болезни и стала продавать свою любовь за деньги. Удивительно, но люди предпочитают платить за любовь, нежели получать ее просто так. На самом деле это я покупала ее за свои танцы. Деньги, как ты понимаешь, всего лишь предлог. Одиночество – вот что по-настоящему страшно! Я решила, что получу перед смертью

столько любви, сколько смогу вынести. Мне осталось жить совсем немного. Ты – последний. Теперь тебе известно все. Прощай!

Андрей в ошеломлении выслушал эту короткую исповедь и, повинуясь мгновенному порыву, молча поцеловал девушку в лоб и вышел из квартиры.

Глава 10

Мари в очередной раз заглянула в саквояж. Ей захотелось порисовать, и она стала искать небольшой кожаный тубус, в котором всегда возила с собой бумагу, карандаши и прочие принадлежности. Два года назад этот кофр подарил ей Поль. Тубуса в саквояже не было, и она начала вспоминать как собиралась перед отъездом. Вероятно, в спешке забыла его в квартире. Воспоминания вырисовывались нечетко, как бывает при большом нервном перенапряжении, когда мозг просто отказывается воспроизводить картины, и так доставившие ему немало беспокойства. Во время своего бегства из Парижа Мари старательно гнала от себя мысли о Поле и Робере. Теперь все кончено, и не нужно больше вспоминать об этом. Надо просто забыть, надо заставить себя забыть. Но как? Как стереть из памяти воспоминания нескольких лет?

Пять лет назад Жанна устраивала прием в честь дня рождения Чезаре. Собралась вся богема и высший свет Парижа. Шампанское лилось рекой, искрясь в бокалах под стать сверкающим бриллиантами дамам. Мужчины в черных фраках немного разбавляли этот сияющий поток света, от которого рябило в глазах. Бал можно было назвать квинтэссенцией belle epoque. Скажи сейчас гостям, что это время уйдет безвозвратно всего через несколько лет, рассмеялись бы в лицо. Как можно поверить в такую чушь? Промышленник Рудольф Келлер, давний знакомый Жанны и Чезаре, представил своего сына хозяйке дома. Баварец Келлер женился на француженке и перенес штаб-квартиру своего концерна в Париж. При этом он без конца передвигался по всей Еаропе, но особенно часто бывал в Германии, где владел несколькими крупными сталелитейными заводами. Говорили, что он вхож на самый верх как во Франции, так и в Рейхе, где неоднократно встречался с Гитлером.

Восемнадцатилетний Поль Келлер привлекал к себе взоры многих юных красавиц. Высокий худощавый блондин с волевым подбородком, который он унаследовал от отца, железной рукой управлявшего промышленным концерном, выделялся на фоне сверстников. При этом, будучи единственным наследником империи Рудольфа Келлера, он обладал великолепными манерами без тени чванства, что говорило о хорошем воспитании. Однако, каждому, кто заговаривал с ним, сразу становилось понятно, что молодой человек прекрасно знает себе цену и в будущем, сменив отца у руля, возможно даже превзойдет его в бизнесе. Поздравив Чезаре, Рудольф обратился к сыну:

– Поль, посмотри на этого талантливого, да просто великого художника! Вот автор тех картин, что висят а нас дома! Я счастлив, что могу представить своего сына такому человеку!

Дело в том, что промышленник являлся страстным поклонником таланта Чезаре Бартоломео и коллекционером его картин. Они были знакомы много лет и поддерживали дружеские отношения, но в доме Жанны Рудольф оказался впервые. Он что-то еще говорил, когда, оборвав на полуслове речь, внезапно направился к «итальянскому» портрету маркизы. Постояв перед картиной минуту, он вернулся к Чезаре, который рассказывал Жанне и нескольким гостям историю про какое-то очередное сумасшедшее пари, и восхищенно сказал:

– Чезаре, это твоя лучшая работа!

Художник благодарно поклонился и с любовью взглянул на маркизу. А Рудольф Келлер пригласил полюбоваться картиной Поля. Сын взглянул на портрет и, в противовес восторгу отца, сдержанно согласился:

– Да, папа, картина прекрасна.

Мари увидела Поля впервые и, когда их представили друг другу, почувствовала, что покраснела. Молодой человек, хотя и заметил смущение девочки, виду не подавал и говорил с ней о вещах незначительных, пытаясь вернуть ее в прежнее состояние. Он немного оживился, узнав о ее занятиях живописью, и сообщил, что тоже увлечен искусством. Позже Мари заметила Поля стоящим перед «итальянским» портретом. Она встала рядом:

– Вам нравится?

Поль, не отводя восхищенного взгляда от картины, тихо, почти шепотом, ответил:

– Невероятно! Это самая прекрасная картина из всех, что написал мсье Бартоломео.

Прощаясь и рассыпаясь в благодарностях перед хозяевами за чудесный вечер, мсье Келлер пригласил их поужинать на следующий день в «Maxim's» Приглашение, естественно, было с радостью принято. Жанна с Чезаре появились немного раньше и, заняв столик, обсуждали Муссолини и происходящие в Италии события. Рудольф, едва сев за столик, сразу обратился к ним с предложением продать ему портрет маркизы. Чезаре рассмеялся в ответ и кивнул на Жанну:

– Рудольф, дорогой, перед тобой сидит хозяйка картины. Решать ей.

Жанна отказалась от сделки, чем только раззадорила Келлера. Он предложил за портрет большие деньги, но маркиза была непреклонна. Рудольф не сдавался и сразу утроил сумму. Безрезультатно. Тогда, сменив тактику, он предложил обмен на равнозначное произведение искусства из его коллекции. Жанна снова ответила отказом, чем жутко расстроила Келлера. Пришлось успокоить его обещанием, что он будет первым, кому предложат купить эту картину, если когда-нибудь встанет вопрос ее продажи.

Знакомство Мари и Поля постепенно переросло в дружбу. За три последующих года они встречались несколько раз на званых вечерах и балах, на которых молодой человек неизменно стремился танцевать именно с Мари. Девушке очень льстило такое внимание. Жанна, как-то обсуждая с Чезаре поведение племянницы, заметила, что Мари явно влюблена в сына Келлера. Поль же хоть и не скрывал своей симпатии к ней, но, учитывая его сдержанный характер, никто наверняка не стал бы утверждать, что и он влюблен в нее. Как выяснила Мари, однажды танцуя с Полем, за это время он еще сильнее увлекся живописью. И лаже пригласил ее на совместный пленер. С тех пор иногда они вместе уходили на расположенную рядом набережную Сены и, расставив мольберты, рисовали город – парижан, мосты и баржи. Работая, Поль и Мари почти не разговаривали, сосредоточившись на процессе. Зато потом, обсуждая свои картины, они веселились от души. Ироничный Поль подтрунивал над девушкой, а она обычно сносила с улыбкой его шутки. Однажды Мари шутливо попеняла на его не особенно удачное отображение перспективы. К ее удивлению, Поля очень задели ее слова. Он покраснел от обиды, швырнул кисти на мольберт и закричал:

– У меня прекрасная перспектива! Много ты понимаешь! Ты думаешь, что, если взяла несколько уроков у этого пьяницы Барбо, то ты во всем хорошо разбираешься? Да кто ты такая, чтобы делать замечания мне?

Эта вспышка озадачила Мари. Всегда спокойный и уравновешенный Поль позволил себе так высокомерно разговаривать и даже кричать на нее! Еще ей стало обидно за мсье Барбо. Так произошла их первая крупная размолвка. И хотя Поль тут же взял себя в руки и извинился, в их совместных пленерах наступила пауза. А Жанна как-то шутливо намекнула Рудольфу, что она не прочь в будущем назвать Поля своим зятем. Келлер натужно улыбнулся, но тему эту не поддержал. Маркиза настаивать не стала, положившись на то, что у Мари все сложится

хорошо и без Поля. Девочка расцветала, и уже сейчас становилось понятно – без разбитых мужских сердец не обойтись. Мари переживала из-за ссоры с Полем и очень обрадовалась, когда внезапно он, извинившись, предложил снова порисовать вместе. В назначенный день Поль зашел за Мари. Девушка выглядела очень расстроенной. Он тут же принялся ее расспрашивать. Мари ответила, что ей приснился плохой сон. Она действительно увидела во сне Поля, точнее услышала его голос. В черноте ночи он выкрикивал страшные ругательства в ее адрес. Девушка даже не знала, что именно пугает ее больше – эта ужасая непроглядная темнота или его проклятия. Поль, естественно, поинтересовался, что могло ей присниться, но Мари отказалась рассказывать. Он разозлился:

– Ну что такого ужасного можно было увидеть?

– Ничего плохого, но атмосфера в моем сне была очень гнетущая. Все, не хочу больше говорить об этом. Не спрашивай!

Поль пожал плечами:

– Как хочешь.

Мари добавила:

– Говорят, чтобы сон не сбылся, его не нужно рассказывать. Я не хочу, чтобы увиденное во сне стало явью. Понимаешь?

До набережной они шли, почти не разговаривая. Поль пытался начать беседу, но Мари лишь односложно отвечала, все еще раздумывая над видением. Они установили мольберты на набережной и, спустя час, взглянули на работы друг друга. У Мари на холсте уже появился почти готовый очередной пейзаж, а Поль едва завершил набросок углем. Он отшутился, мол, пропало настроение. Было заметно, как его что-то мучает. Мари попыталась расспросить юношу, но Поль отнекивался и переводил разговор на другие темы. Они стали обсуждать живопись и, в конце концов, дошли до творчества Чезаре Бартоломео. Поль, как и отец, восхищался его картинами и даже пригласил Мари взглянуть на собранную Рудольфом коллекцию. Он так и не стал продолжать работу и ожидал, пока Мари завершит картину. Потом подошел и критически оценил:

– Да, неплохо…

Мари, почувствовав сарказм, вдруг поняла, что именно стало раздражать Поля. Привыкнув с детства быть лучшим во всем, он не готов был терпеть конкурентов на любом поприще. И в живописи в том числе. Потому-то ее замечание относительно перспективы настолько вывело его из себя и привело к ссоре. Будучи законченным самовлюбленным эгоистом, он, естественно, не был готов услышать критику в свой адрес даже в дружеском тоне и даже от нее. Она молча сложила мольберт, сделав вид, что не заметила иронии. Поль зашагал рядом. Через минуту, нарушив паузу, он произнес:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.